

BESTSELLER

ХАРЛАН
КОБЕН

ВТОРОГО ШАНСА
НЕ БУДЕТ

*Триллер, в котором мечтатели любят
чужаков...*

«New Scientist»

Харлан Кобен Второго шанса не будет

OCR Денис, вычитка: Анита
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160353
Харлан Кобен. Второго шанса не будет: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2004
ISBN 5-17-026632-4, 5-9578-1285-4
Оригинал: HarlanCoben, "No Second Chance"
Перевод:
Н. Сафьянов

Аннотация

Его жена убита.
Его маленькая дочь похищена.
Похитители угрожают ее убить, если полиция или ФБР хоть как-то будут
задействованы в этом деле.
Он сам должен найти и спасти своего ребенка... чего бы это ни стоило.
Помощи ждать неоткуда.
Второго шанса не будет!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Харлан Кобен

Второго шанса не будет

Глава 1

Когда мне в грудь попала первая пуля, я подумал о дочери.

Во всяком случае, хотелось бы в это верить. Сознание я потерял быстро. Если желаете подробности, то вынужден признаться: я вообще не помню, что в меня стреляли. Знаю только, что потерял много крови. Знаю также, что вторая пуля чиркнула по макушке, хотя к тому времени я уже, наверное, вырубился. Знаю, что остановилось сердце. И все же надеюсь, что, умирая, я думал о Таре.

Для вашего сведения: ни яркого света, ни тоннеля я не видел. Или если видел, то не помню.

Таре было всего шесть месяцев от роду. Она лежала в своей кроватке. Интересно, напугали ее выстрелы? Должно быть. Наверное, она заплакала. Быть может, знакомый пронзительный плач как-то достиг моего угасающего сознания, каким-то его краешком я и впрямь воспринимал крик. Но, опять-таки повторяю, в памяти ничего не удержалось.

А вот миг рождения Тары я помню. Помню Монику – это мать Тары. Помню родовые схватки. Помню, как на свет появилась детская головка. Я первым увидел дочь. Все мы знаем о развилках на жизненном пути. Все знаем, что одна дверь открывается, другая закрывается, что у жизни есть циклы, а времена года сменяют друг друга. Но когда у вас рождается ребенок – нет, это даже не сюрреализм. Словно проходишь через звездные врата – настоящий преобразователь действительности. Все – другое. Ты – другой. Какая-то элементарная частица, неожиданно столкнувшись с катализатором, превратилась в другую, куда более сложную. Мир, в котором вы жили раньше, исчез, съезжился до размеров – по крайней мере, в данном случае – материи весом шесть фунтов пятнадцать унций.

Отцовство меня смущает. Да, понимаю, что со своим шестимесячным опытом этой работы я всего лишь любитель. У моего лучшего друга Ленни четверо ребятишек. Девочка и три мальчика. Старшей, Марианне, десять, младшему только что исполнился год. Ленни, с его постоянно и счастливо-озабоченным лицом, с его квартиркой, вечно замусоренной остатками засохших гамбургеров, напоминает мне, что ничего-то я еще не знаю. Согласен. Но стоит мне всерьез заблудиться в королевстве родителей или испугаться чего-то, я смотрю на беспомощный комочек в кроватке. Девочка смотрит на меня, и я думаю, что готов на все, лишь бы оградить ее от неприятностей. Не моргнув глазом, жизнь свою отдам. А если дойдет до края, то, честно говоря, и вашу.

Так что, когда в меня впились две пули и я рухнул на пол, покрытый линолеумом, зажав в ладони недоеденное овсяное печенье, когда я лежал неподвижно в луже собственной крови, когда сердце мое перестало биться, – даже тогда мне хотелось думать, что я по-прежнему защищаю Тару.

* * *

Я провалился во тьму.

Поначалу я не имел представления, где нахожусь, потом справа послышалось какое-то попискивание. Звук знакомый. Я не пошевелился, просто прислушался. Ощущение было такое, словно мозг замариновали в черной патоке. Первый стимул вырваться наружу был

элементарный – жажда. Мне безумно захотелось пить. Горло никогда еще так не пересыхало. Я попробовал заговорить, но язык прочно присох к гортани.

В комнату кто-то вошел. Я попытался сесть, но меня пронзила такая боль, словно кто-то ножом полоснул по шее. Голова дернулась назад. И снова – тьма.

* * *

Когда я очнулся вновь, на улице было светло. Сквозь жалюзи косо проникали зазубренные полосы солнечного света. Я прищурился. Какая-то часть меня хотела поднять руку и защититься от лучей, но жуткая слабость не позволяла выполнить эту команду. В горле по-прежнему была непереносимая сухость.

Послышалось какое-то движение, и внезапно надо мной возникла женская фигура. Я поднял взгляд – медсестра. Перспектива, полностью противоположная той, к которой я привык, смутила меня. Все было не так. Это я должен стоять и смотреть сверху вниз, а не наоборот. Белая шапочка – знаете, из этих маленьких форменных пилоток – сидела на сестре, как птичье гнездо. Немалую часть жизни я проработал в самых разнообразных больницах, но такого рода шапочки видел, кажется, только по телевизору или в кино. Сестра, негритьянка, была плотного сложения.

– Доктор Сайдман? – Голос был что теплый кленовый сироп.

Я с трудом кивнул.

Должно быть, сестра умела читать чужие мысли, поскольку в руках у нее была чашка с водой. Она сунула мне в рот соломинку, и я жадно глотнул.

– Спокойно, спокойно, – мягко сказала она.

Я хотел было спросить, где нахожусь, но передумал – и без того более или менее ясно. Тогда я собрался выяснить, что же, собственно, со мной случилось, но сестра вновь оказалась на шаг впереди.

Она забрала у меня соломинку и сказала, направляясь к двери:

– Схожу за доктором. А вы пока отдохните.

– А семья... – прохрипел я.

– Я мигом. Постарайтесь не волноваться.

Я с усилием обвел взглядом комнату. Перед глазами стоял туман, словно я смотрел сквозь занавеску в душе. Однако был смысл вылезти из мути и сделать кое-какие умозаключения. Я находился в обыкновенной больничной палате. Это ясно. Слева капельница, к руке тянется трубка. Чуть слышно жужжат флуоресцентные лампы. В верхнем правом углу подвешен на вращающейся ручке маленький телевизор.

В нескольких футах от изножья кровати располагалась большая стеклянная панель. Я прищурился, но так ничего и не разглядел сквозь нее. Но за мной-то, вероятно, наблюдали. А это означает, что я в реанимации. И стало быть, что бы меня сюда ни привело, дело довольно серьезное.

Кожу в районе макушки саднит, волосы, чувствуется, стянуты. Наверняка перевязка. Я попытался ощупать себя, но безуспешно. Внутри ощущалась тупая боль, хотя где именно – непонятно. В руках-ногах тяжесть, грудь словно в железо закована.

– Доктор Сайдман?

Я скосил глаза на дверь. В комнату вошла миниатюрная женщина с щеткой в руках, на голове шапочка для душа. Марлевая повязка болтается на шее. Мне тридцать четыре года. Ей по виду примерно столько же.

– Доктор Хеллер, – представилась она, подойдя поближе. – Рут Хеллер.

Называет себя по имени. Ясно, профессиональный этикет. Рут Хеллер испытующе посмотрела на меня. Я попробовал сосредоточиться. Голова по-прежнему варила неважно, но вроде я возвращался к жизни.

– Вы в больнице Святой Елизаветы, – подобающе мрачным голосом объявила она.

Дверь за ее спиной открылась, и в палату вошел мужчина. Разглядеть его сквозь пелену душевой занавески было трудно, но, похоже, я его раньше не встречал. Мужчина сцепил руки и с привычной небрежностью прислонился к стене. «Не врач», – подумал я. Когда так долго работаешь в клиниках, различить нетрудно.

Доктор Хеллер оглянулась на мужчину и повернулась ко мне.

– Что со мной? – спросил я.

– В вас стреляли. Дважды.

Она секунду помолчала, давая мне усвоить услышанное. Я бросил взгляд на мужчину, неподвижно стоящего у стены, открыл рот, но Рут Хеллер не дала мне сказать ни слова.

– Одна пуля задела голову. Вернее, буквально срезала кожу на черепе. Сами понимаете, крови вытекло немало.

Да, я понимал. Если в голову ранят по-серьезному, крови натекает, будто тебя вообще обезглавили. «Хорошо, – подумал я. – Почему болит затылок, понятно». Рут Хеллер молчала, и я подсказал ей:

– А вторая пуля?

– Тут дело посерьезней, – вздохнула она.

Я выжидательно смотрел на нее.

– Пуля попала в грудь и задела предсердие. Это вызвало сильное кровотечение. Сначала кардиограмма даже признаков жизни не показывала. Нам пришлось ломать грудную клетку...

– Док, – прервал ее мужчина у стены (на мгновение показалось, что он обращается ко мне). Рут Хеллер состроила недовольную мину. Мужчина отделился от стены. – Может, с подробностями можно обождать? Сейчас главное – время.

Она нахмурилась, но не возразила, заметила лишь:

– Если вы не против, я останусь.

Доктор Хеллер растворилась в тумане, ее место занял мужчина. Голова у него была слишком велика для плечевого пояса, непонятно даже, как шея выдерживала такую тяжесть. Мужчина был подстрижен под ежик, волосы обрамляли лицо, как у Цезаря. На подбородке, подобно притаившемуся насекомому, сидело уродливое черное пятно. В целом он выглядел как член шайки подростков, отправившихся на серьезное дело. Он мне улыбнулся, но теплоты в улыбке не было.

– Меня зовут Боб Риган, я детектив, полицейское управление Каслтона. Понимаю, вам трудно сосредоточиться...

– А семья... – начал я.

– После, после. Сначала мне надо задать вам несколько вопросов. Ладно? Подробности потом.

Он ждал моего ответа.

– Валяйте. – Я изо всех сил старался стереть паутину, покачивающуюся перед глазами.

– Что вы делали перед тем, как потеряли сознание?

Я пошарил в памяти. Вот я проснулся утром, оделся. Посмотрел на Тару. Повернул ручку на черно-белом игрушечном автофургоне, который подарил ей мой коллега, заверив меня, что подобные вещи стимулируют умственную деятельность младенца. Фургончик, однако, не сдвинулся с места, не издал привычного скрежета. Видно, батареи сели. Я наказал себе поставить новые. И пошел вниз.

– Ел овсяное печенье.

Риган кивнул, словно именно такого ответа и ожидал.

– Вы были на кухне?

– Да. У мойки.

– А потом?

Я изо всех сил напрягся, но на сей раз ничего не вспомнил.

– Один раз проснулся. Ночью. По-моему, уже здесь.

– Что-нибудь еще?

Я вновь напрягся, и с тем же успехом.

– Нет, ничего.

Риган вытащил из кармана блокнот.

– Как сказала док, в вас дважды стреляли. Не вспомните, может, видели пистолет или слышали звук выстрела – словом, что-нибудь в этом роде?

– Нет.

– В общем, оно и неудивительно. Дело ваше было плохо, Марк. Если верить монитору, вы вообще в расход вышли.

У меня снова пересохло в горле.

– Где Тара и Моника?

– Не отвлекайтесь, Марк. – Риган смотрел в блокнот, а не на меня. Я почувствовал, как грудь сдавливает страх. – А звона стекла не слышали?

Я ощущал страшную слабость. Попытался прочесть наклейку на капельнице – интересно, чем они меня накачивают? Без толку. Ясно, какое-то обезболивающее. Скорее всего, морфий. Я попробовал стряхнуть с себя оцепенение.

– Нет, ничего не слышал.

– Уверены? На задней стороне дома мы обнаружили разбитое окно. Весьма возможно, через него стрелок и проник к вам.

– Никакого звона стекла я не слышал, – повторил я. – А вам известно, кто...

– Пока нет. Потому я и спрашиваю. Чтобы выяснить, кто это мог быть. – Риган оторвал взгляд от блокнота. – У вас есть враги?

Он действительно задал этот вопрос или мне послышалось? Я попробовал сесть, попробовал взглянуть на него под другим углом, но ничего не вышло. Мне не нравилось быть пациентом, или, если угодно, находиться не на той стороне кровати. Говорят, врачи – худшие больные. Возможно, дело в том, что приходится играть не свою роль.

– Я хочу знать, что случилось с моей женой и дочерью...

– Прекрасно вас понимаю, Марк, – сказал Риган, и что-то в его тоне заставило меня похолодеть. – Но вы не должны отвлекаться. Пока не должны. Вы ведь хотите мне помочь, верно? В таком случае вам придется еще немного напрячься. – Он вернулся к блокноту. – Итак, что там насчет врагов?

Дальнейшие пререкания показались мне бессмысленными и даже вредными. Я подчинился.

– Вы имеете в виду врагов, которые могли бы стрелять в меня?

– Именно.

– Нет, таких нет.

– А у вашей жены? – Он поднял голову и уставился на меня, не мигая. Моника, такая, какой она мне больше всего нравилась – горящие щеки, руки, закинутаые мне за шею в притворном страхе перед ревущим Рэймондкильским водопадом, у которого мы впервые оказались, – встала передо мной, как призрак – У нее враги были?

– У Моника?

– Полагаю, на сегодня достаточно. – Рут Хеллер выплыла из тумана и подошла к кровати.

– Что с Моникой? – вновь спросил я.

Доктор Хеллер и детектив Риган стояли рядом, плечом к плечу и смотрели на меня. Хеллер забормотала что-то, я оборвал ее:

– Только не надо этой болтовни насчет того, что пациенту нельзя волноваться. – Я попытался повысить голос; страх и ярость боролись с той гадостью, которой они меня накачали. – Просто скажите мне, что с моей женой.

– Она мертва, – бросил детектив Риган. И ничего не добавил.

Мертва. Моя жена. Моника. Я словно бы его не расслышал. Такого слова для меня будто не существовало.

– Когда появилась полиция, выяснилось, что стреляли в вас обоих. Вас удалось спасти. Жену – нет, оказалось слишком поздно. Весьма сожалею.

Мелькнуло еще одно видение: Моника на берегу, в купальнике телесного цвета, черные, как вороново крыло волосы рассыпались по плечам, вызывающая улыбка. Моргнув несколько раз, я отогнал видение.

– А Тара?

– Ваша дочь... – Риган откашлялся и заглянул в блокнот, хотя, по-моему, записывать больше было нечего. – В то утро она была дома, так? Я хочу сказать – когда все это случилось.

– Ну да, конечно. Так где она?

Риган захлопнул блокнот.

– Когда мы оказались на месте, ее там не было.

– Не понимаю. – Внутри у меня все похолодело.

– Сначала мы надеялись, что она у кого-нибудь из родственников или друзей. Даже у няни, но... – Он осекся.

– Вы что же, хотите сказать, что не знаете, где Тара?

– Вот именно, – на сей раз твердо ответил он.

Ощущение было такое, словно грудь сдавила чья-то гигантская рука. Я крепко зажмурился и откинулся на подушку.

– Давно?

– Давно ли ее нет?

– Да.

– Вам следует кое-что понять, – быстро, слишком быстро заговорила доктор Хеллер. – Вы получили серьезное ранение. Честно говоря, мы были далеко не уверены в благополучном исходе. Пришлось применить искусственное дыхание. Одно легкое практически не работало. К тому же, началось заражение крови. Вы сами врач, так что мне нет нужды объяснять, насколько все это опасно. Мы старались не перекармливать вас лекарствами, привести в сознание...

– Давно? – повторил я.

Они с Риганом обменялись взглядами.

– Вы были без сознания две недели, – сказала доктор Хеллер, и мне показалось, будто вокруг меня исчез воздух.

Глава 2

– Мы делаем все, что в наших силах, – сказал Риган, и голос прозвучал чересчур ровно, словно, пока я лежал без сознания, он стоял рядом и репетировал эту реплику. – Повторяю, сначала мы даже не знали про ребенка. Драгоценное время было потеряно, но потом мы его наверстали. Фотография Тары разослана по всем полицейским участкам, аэропортам, автобусным и железнодорожным вокзалам, таможенным пунктам в радиусе ста миль. Мы просмотрели все дела, связанные с похищениями, в надежде обнаружить какую-нибудь закономерность или подозреваемого.

– Двенадцать дней, – напомнил я.

– Мы установили прослушку на всех ваших телефонах – домашнем, рабочем, мобильном...

– Зачем?

– На тот случай, если позвонят и потребуют выкуп.

– Ну и как, звонили?

– Пока нет.

Я закрыл глаза. Двенадцать дней. Я тут двенадцать дней валяюсь, а моя дочурка... Я отогнал эту мысль.

– Не вспомните, что было на Таре в то утро? – Риган потер пятно на подбородке.

Вспомнил. Я восстановил ежеутренний ритуал: рано просыпаюсь, подхожу на цыпочках к кровати, гляжу на Тару. Ребенок – это не только радость, я знаю. Я знаю, случаются моменты, когда такая тоска наваливается, что не знаешь, куда податься. Я знаю, бывают ночи, когда детский плач действует на нервные окончания как терка. Не собираюсь представлять жизнь с младенцем в радужном свете. И все же новый утренний распорядок мне нравился. Взгляд на крошечное тельце каким-то образом делал меня сильнее. Даже больше – я испытывал что-то похожее на восторг. Иные переживают такое чувство в церкви. Ну а я – понимаю, это звучит сентиментально – у детской кровати.

– Розовый комбинезон с черными пингвинами, – сказал я. – Моника купила его в «Детском мире».

Он сделал запись в блокноте.

– А Моника?

– Что Моника?

Риган уткнулся в блокнот.

– На ней что было?

– Джинсы. – Мне вспомнилось, как они обтягивали ее бедра. – Джинсы и красная блузка.

Риган черкнул в блокноте.

– А есть... Я имею в виду, попали на чей-нибудь след? – спросил я.

– Мы рассматриваем все версии.

– Я не о том.

Риган молча посмотрел на меня. Какой-то тяжелый у него получился взгляд.

Моя дочь. Неизвестно где. Одна. На протяжении двенадцати дней. Я вспомнил ее глаза, тот теплый свет, который открывается только родителям, и брякнул:

– Она жива.

Риган склонил голову набок, как щенок, услышавший нечто необычное.

– Не сдавайтесь, – попросил я.

– Мы и не собираемся, – заверил он, глядя на меня с откровенным любопытством.

– Я просто хочу сказать... У вас есть дети, детектив Риган?

– Две девочки.

– Понимаю, звучит глупо, но я бы знал. – «Знал так же хорошо, как и то, что после рождения Тары мир никогда уже не будет прежним». – Я бы знал.

Он промолчал. Я понимал, что мои слова – слова человека, привыкшего смеяться над всякими чудесами и колдовством, – звучат дико. Понимал, что невольно выдаю желаемое за действительное. И все же я цеплялся за свою веру. Прав я был или заблуждался, но она держала меня, как спасательный канат.

– Нам еще кое-что нужно, – сказал Риган. – О вас, вашей жене, друзьях, доходах...

– Не сейчас, – твердо заявила доктор Хеллер и шагнула вперед, словно хотела встать между мной и детективом. – Ему надо отдохнуть.

– Как раз сейчас, – возразил я, – необходимо найти мою дочь.

* * *

Монику похоронили в поместье ее отца, на семейном участке Портсманов. Разумеется, меня на похоронах не было. Не знаю даже, что по этому поводу и сказать, но ведь коли на то пошло, я всегда испытывал к жене (в те роковые моменты, когда я был честен сам с собой) двойственное чувство. Моника отличалась тем типом красоты (слишком точно очерченные скулы, гладкие, как черный шелк, волосы и сжатые, как у завсегдатаев аристократического загородного клуба, челюсти), что раздражал меня и притягивал. Брак у нас получился старомодный – вынужденный. Ладно, пусть я немного преувеличиваю. Моника была беременна. Я пребывал в растерянности. Грядущее событие указало дорогу на матримониальное пастбище.

О подробностях похорон мне поведал Карсон Портсман, дядя Моника и единственный из членов семьи, который поддерживал с нами дружеские отношения. Моника души в нем не чаяла. Сложив руки на коленях, он сидел подле моей больничной кровати. Очки с сильными линзами, мешковатый твидовый пиджак, шапка волос, как у Альберта Эйнштейна – Карсон живо напоминал ходячий образ университетского профессора. Печально повествуя негромким голосом о том, что Эдгар, отец Моника, устроил похороны моей жены «скромно, по-домашнему», он с трудом сдерживал слезы.

В это я охотно поверил. По части скромности, во всяком случае.

В ближайшие несколько дней меня посетило много человек. С утра вихрем, словно у нее персональный двигатель внутреннего сгорания, в палату влетала мать. Все звали ее Лапушкой. На ней были белоснежные кроссовки «Рибок» и голубой с золотистой каемкой спортивный костюм, как у тренера. Волосы, хоть и тщательно ухоженные, были ломкими и сильно перекрашенными. Вокруг матери всегда вился сигаретный дымок. Густой слой косметики с трудом скрывал следы утраты единственной внучки. Мать отличалась удивительной энергией и не отходила от меня буквально до ночи, ухитряясь при этом постоянно пребывать в состоянии, близком к истерическому. Это странным образом успокаивало: складывалось впечатление, будто мать сходит с ума из-за меня, а не по какой-либо иной причине.

В палате стояла чуть не тропическая жара. Тем не менее, едва я засыпал, мама набрасывала на меня лишнее одеяло. Однажды я проснулся, естественно, весь в поту и услышал: она рассказывает чернокожей сиделке в форменной шапочке о том, как я попал в больницу Святой Елизаветы в последний раз – было мне тогда семь лет.

– У него оказался сальмонеллез, – объявила Лапушка заговорщицким шепотом, который звучал, словно усиленный мегафоном, правда, не самым мощным. – Кровью пахло чудовищно, она из него так и хлестала. А желчь только что в обои не впиталась.

– Так он и сейчас на розу в цвету не похож, – заметила сиделка.

Обе дружно рассмеялись.

Проснувшись на второй день своего выздоровления, я увидел мамино лицо, склонившееся надо мной.

– Помнишь? – спросила она.

В руках у нее был плюшевый Оскар-Брюзга, которого мне подарил кто-то, когда я болел сальмонеллезом. За прошедшие годы зеленый цвет превратился в салатный.

– Это игрушка Марка, – пояснила она, обращаясь к сиделке.

– Мама, – вмешался я.

Она повернулась ко мне. Макияж сегодня был наложен особенно густо, вдобавок появились бороздки.

– Оскар тогда не давал тебе соскучиться, помнишь? Он помог тебе выздороветь.

Я закрыл глаза. И вспомнил. Сальмонеллез я подхватил из-за сырых яиц. Отец добавлял их в молоко, якобы из-за протеина. Помню, какой ужас охватил меня, когда сказали, что ночь мне придется провести в больнице. Отец, который недавно повредил на корте ахиллесово сухожилие, был в гипсе и страдал от непрекращающейся боли. Но, увидев, как мне страшно, по своему обыкновению, пошел на жертву. Целый день он работал на фабрике, а всю ночь провел на стуле у моей больничной койки. Я пробыл в больнице Святой Елизаветы десять суток, и отец не пропустил ни единой ночи.

Я посмотрел на мать. Неожиданно она отвернулась, и я понял, что она вспоминает о том же. Сиделка под каким-то предлогом поспешно вышла из палаты. Я погладил мать по спине. Она не пошевелилась, но я почувствовал дрожь. Я мягко отнял у мамы Оскара.

– Спасибо тебе, – сказал я.

Она вытерла глаза. Папа-то, в чем можно было не сомневаться, в больнице на сей раз не появится, и, хотя мать наверняка рассказала ему о случившемся, трудно сказать, понял ли он ее. Первый удар случился с отцом, когда ему был сорок один, – ровно через год после того, как он дежурил у меня в палате по ночам. Мне тогда было восемь лет.

Была у меня младшая сестренка Стейси – она «злоупотребляла» (если изъясняться политически корректно) или «сидела на игле» (если называть вещи своими именами). Время от времени я разглядываю старые, относящиеся ко временам, когда отец был здоров, фотографии и вижу молодую жизнерадостную семью из четырех человек и еще лохматую собачонку, аккуратно постриженный газон, горящие угли, освещающие мангал. Намеки на будущее я ищу в беззубой улыбке сестры, быть может, в ее потаенном «я», в каких-то предзнаменованиях. Ищу – и не нахожу. У нас до сих пор есть дом, но похож он на выцветший кинокадр. Отец жив, но, когда он заболел, все развалилось, как Шалтай-Болтай.

Стейси не пришла навестить меня, даже не позвонила; впрочем, меня уже в ней ничто не удивляет.

Наконец, мать посмотрела на меня, и тут, сжав чуть сильнее старичка Оскара, я вдруг подумал: мы снова вместе. Отец, в общем-то, овощ. Стейси – пустышка, нет ее. Я потянулся и взял маму за руку. И так мы сидели, пока не открылась дверь. В палату заглянула сиделка.

Мама выпрямилась и сказала:

– И еще Марк любил играть в куклы.

– Марионетки, – уточнил я.

Мой лучший друг Ленни тоже заходил вместе с женой Черил каждый день. Ленни Маркус – крупный юрист, но иногда берется и за мои небольшие дела, вроде того, когда я судился по поводу штрафа за превышение скорости или расселения нашего дома. После окончания колледжа он поступил на работу в прокуратуру графства, и все – друзья и противники – сразу же прозвали его Бульдогом за агрессивную манеру поведения в зале суда. Через некоторое время было сочтено, что такое прозвище для него слишком деликатно, и Ленни превратился в Быка. Ленни я знал с начальной школы. Я крестный его сына Кевина. А он крестный Тары.

Сплю я плохо. Лежу ночью, смотрю в потолок, считаю автомобильные гудки за окном, прислушиваюсь к больничным звукам и изо всех сил стараюсь не думать о дочери и о том, что с ней могло произойти. Получается не всегда. Сознание, в чем мне пришлось убедиться, – это и впрямь темный омут, в котором полно ядовитых змей.

Детектив Риган принес возможную версию.

– Расскажите мне о своей сестре, – начал он.

– А она-то здесь при чем? – осведомился я, пожалуй, слишком поспешно. Но не успел он и рта раскрыть, как я поднял руку. Все ясно. Моя сестра – наркоманка. А где наркотики, там и криминал. – Нас обокрали?

– Да нет, не похоже. Вроде все на месте, но квартира перевернута вверх дном. Кому и зачем это понадобилось, не представляете?

– Нет.

– Итак, расскажите мне про сестру.

– У вас есть досье Стейси?

– Да.

– Вряд ли мне есть что добавить.

– Вы ведь не поддерживаете тесных отношений, верно?

Не поддерживаем отношений. Разве так можно сказать о нас со Стейси?

– Я люблю ее, – медленно выговорил я.

– Когда вы виделись в последний раз?

– Полгода назад.

– То есть, когда родилась Тара?

– Да.

– Где?

– Где мы виделись?

– Да.

– Стейси пришла в родильный дом.

– Посмотреть на племянницу?

– Да.

– И как же прошел визит?

– Стейси была не в себе. Она хотела взять младенца на руки.

– Но вы не разрешили?

– Верно.

– Она рассердилась?

– Осталась почти равнодушной. Моя сестра как накачается какой-нибудь дрянью, так вообще с трудом отдает себе отчет в происходящем.

– И вы ее выставили за дверь?

– Я велел ей, пока не покончит с наркотиками, держаться от Тары подальше.

– Ясно. Вы рассчитывали, что это заставит ее снова взяться за лечение.

– Да нет, не сказал бы. – Должно быть, я ухмыльнулся.

– Боюсь, не совсем вас понимаю.

Как бы ему объяснить? Я вспомнил улыбку на семейной фотографии, ту, где у Стейси нет передних зубов.

– Чем только мы ее не пугали, – сказал я. – Увы, от наркотиков она не откажется, они стали частью ее жизни.

– На излечение, стало быть, не рассчитываете?

– Я не мог ей доверить своего ребенка, давайте так сформулируем.

Риган подошел к окну и выглянул наружу.

– Вы когда переехали в свое нынешнее жилище?

- Мы с Моникой купили этот дом четыре месяца назад.
- Он ведь недалеко от того места, где вы провели детство?
- Верно.
- А вы с будущей женой давно были знакомы?
- Нет. – Подобная линия допроса меня несколько смутила.
- Несмотря на то, что росли в одном городке?
- Мы вращались в разных кругах.
- Ясно. Итак, если я все верно понял, вы купили дом четыре месяца назад, а сестру не видели шесть?
- Именно так.
- Выходит, на новом месте сестра вас ни разу не навещала?
- Получается, так.
- Видите ли, – повернулся ко мне Риган, – мы нашли у вас в доме отпечатки ее пальцев. Я промолчал.
- Кажется, вы не особенно удивлены, Марк?
- Стейси – наркоманка. Не думаю, что она способна выстрелить в меня и похитить моего ребенка, но, возможно, я недооцениваю, как низко она пала. Домой к ней вы не заходили?
- С тех пор, как в вас стреляли, никто ее не видел. Я закрыл глаза.
- Мы не думаем, будто она сама способна совершить нечто подобное, – продолжил Риган. – Но у нее мог быть сообщник – приятель, дилер, кто-нибудь из тех, кто знал, что ваша жена из богатой семьи. Ничего не приходит в голову?
- Нет. Короче, вы считаете, что цель – похищение ребенка?
- Риган, потирая пятно на подбородке, неопределенно пожал плечами.
- Но ведь нас обоих пытались убить, – возразил я. – С мертвых родителей как получишь выкуп?
- Может, они так накачались наркотиками, что перестарались, – сказал он. – А может, рассчитывали вытянуть деньги из Тариной бабушки.
- Так чего же до сих пор медлят?
- Риган промолчал. Но ответ я знал и без него. От возбуждения, особенно если дело связано со стрельбой, наркоманы себе места не находят. Они теряют представление о действительности. Отчасти именно поэтому они снова начинают нюхать кокаин, а то и в себя стреляют – чтобы ускользнуть, испариться, залечь на дно. В газетах и на телевидении поднимется шум. Полиция начнет расследование. Такого напора наркоману не выдержать. Он все бросит, лишь бы исчезнуть, бежать.
- Замести все следы.

* * *

Но через два дня пришло требование о выкупе.

Теперь, когда вернулось сознание, я шел на поправку с удивительной легкостью. Может, дело заключалось в том, что мне самому хотелось как можно быстрее встать на ноги, а может, двенадцатидневная кома – достаточной срок для затягивания ран. Или, может, я гораздо больше страдал от ран душевных, нежели физических. Я думал о Таре, и от страха у меня перехватывало дыхание. Я думал о Монике, о том, что она лежит в холодной земле, и стальные когти рвали мне душу в клочья.

Хотелось вырваться на свободу.

Хотя боль в груди донимала, я настаивал на выписке. Не преминув заметить, что я лишь подтверждаю известную поговорку «Врачи – худшие больные», Рут Хеллер уступила. Мы договорились, что ко мне каждый день будет приходить терапевт и время от времени, на всякий случай, медсестра.

В то утро, когда я должен был покинуть стены больницы Святой Елизаветы, дома у меня, то есть на месте, где было совершено преступление, находилась мать – «чтобы к моему появлению все было готово», какой бы смысл ни вкладывала она в последнее слово. Удивительно, но возвращаться было совсем не страшно. Дом – всего лишь строение, кирпич да цементный раствор.

Ленни помог мне собраться и одеться. Он высокий, жилистый, с вечной щетиной на щеках, отрастающей ровно через шесть минут после очередного бритья. Ребенком Ленни носил круглые очки и плотный вельветовый костюм, который не снимал даже летом. Курчавые волосы придавали ему вид приبلудного пуделя. Теперь он аккуратно, как добропорядочный прихожанин, их подрезает. И костюмы носит исключительно высшего качества. А два года назад он сделал себе лазерную операцию на глазах, так что и очки пропали.

– Может, все-таки у нас поживешь? – спросил Ленни.

– У тебя и без того четверо ребят, – напомнил я.

– Это-то так. – Ленни помолчал. – Тогда я у тебя поживу?

Я попытался выдавить улыбку.

– Серьезно, – объяснил он, – не будешь так одиноко себя чувствовать.

– Да не волнуйся ты, справлюсь.

– Черил там кое-что тебе приготовила. Все в холодильнике.

– Очень мило с ее стороны.

– Правда, такую бездарную кухарку, как она, надо еще поискать, – вздохнул Ленни.

– А кто сказал, что я буду есть ее стряпню?

Ленни отвернулся и занялся уже сложенной сумкой.

Я наблюдал за ним. Мы знакомы давно, с первого класса школы, поэтому, думаю, он не удивился моим словам:

– Может, все же скажешь, что у тебя на уме?

Получив долгожданный предлог, Ленни немедленно им воспользовался:

– Слушай, я ведь твой адвокат, верно?

– Факт.

– Ну так хочу дать тебе юридический совет.

– Я весь внимание.

– Конечно, следовало бы сказать тебе раньше. Но ты бы не послушал. Теперь дело другое.

– Да о чем ты, наконец?

Несмотря на внушительные габариты, Ленни оставался для меня мальчишкой. Я не мог воспринимать его советы всерьез. Поймите меня правильно. Он малый толковый, это известно. Мы вместе праздновали его поступление в Принстон, а потом на юридический факультет Колумбийского университета. Мы вместе проходили тест на способность к исследовательской работе и первокурсниками занимались в одном классе по химии. Но сейчас я видел приятеля, с которым болтался по округе душными ночами в конце недели. Мы сидели в здоровенную колымагу его старика и ездили на вечеринки. В компанию нас всегда принимали, но без особого энтузиазма – мы принадлежали к Великим невидимкам, как я называл университетское большинство. Мы стояли в углу, потягивали пиво, покачивали головами в такт музыке и усиленно привлекали к себе внимание. Но тщетно. Как правило, все кончалось сэндвичами с сыром в закусочной «Наследие» либо, что было получше, на футбольном поле позади средней школы имени Бенджамена Франклина, где, улегшись на

траву, мы пересчитывали звезды. Как-то легче разговаривать даже с лучшим другом, когда смотришь на звездное небо.

– Значит, так, – промолвил Ленни, по привычке жестикулируя, – я хочу, чтобы отныне ты общался с полицейскими только в моем присутствии.

– Вот как? – Я нахмурился.

– Может, я дую на воду, но мне приходилось сталкиваться с подобными случаями. Не точно с такими, но... короче, ты понимаешь, о чем я. Первые подозреваемые – всегда члены семьи.

– Иными словами, моя сестра.

– Нет, иными словами, самые близкие. Или, если это только возможно, еще ближе.

– Ты что же, хочешь сказать, что полиция подозревает меня?

– Не знаю, право, не знаю. – Ленни замялся, но ненадолго. – Не исключено, совсем не исключено.

– Слушай, это ведь в меня стреляли, ты не забыл? И моего ребенка похитили.

– Никто не спорит, но на это дело можно посмотреть с разных сторон.

– Как это?

– Подозрения становятся чем дальше, тем сильнее.

– Это еще почему?

– Не знаю. Просто становятся. Слушай, похищениями детей занимается ФБР. Тебе ведь это известно? Если ребенок не находится в течение двадцати четырех часов, считается, что дело выходит за границы штата и передается в ведение федералов.

– Ну и что?

– А то. Для начала, скажем, в течение первых десяти дней они наводняют округу своими агентами. Прослушивают телефоны, ждут звонка с требованием о выкупе – словом, все в этом роде. Затем они начинают прищипывать коней. В общем-то, это нормально. Бесконечно ждать невозможно, они отзывают команду и возвращаются к рутине: один-два агента. Соответственно меняется ход мысли. Так и сейчас: быть может, рассуждают они, Тару похитили не ради выкупа, а просто спрятали. Во всяком случае, полагаю, что твой телефон прослушивается. Я, правда, не уточнял, но обязательно уточню. Они наверняка скажут – мол, ожидаем звонка с требованием выкупа. Может быть. Но одновременно рассчитывают, что и ты сболтнешь что-нибудь разоблачительное.

– И что с того?

– Надо быть осторожным. Не забывать, что все – все! – телефоны прослушиваются – домашний, рабочий, мобильный.

– Ну и что, что с того? Я ведь ничего не сделал.

– «Ничего не?...» – Ленни взмахнул руками, словно собрался взлететь. – Ладно, поостерегись все-таки. Быть может, тебе трудно будет в это поверить – смотри, не задохнись, когда услышишь, – но полиция известна тем, что умеет переворачивать свидетельства с ног на голову.

– Ничего не понимаю. Ты хочешь сказать – я числюсь подозреваемым лишь по той простой причине, что являюсь отцом и мужем?

– Да. – Ленни выдержал паузу. – Нет.

– Спасибо, ты здорово прояснил ситуацию.

Зазвонил телефон, стоявший на тумбочке рядом с кроватью. Я был далеко от него, в противоположном углу.

– Можно? – Я потянулся к телефону.

Ленни опередил меня:

– Палата доктора Сайдмана.

Голос в трубке заставил его нахмуриться.

– Минуту, – отрывисто бросил он и передал мне трубку с таким видом, будто это рассадник микробов. Я с удивлением посмотрел на него.

– Да?

– Привет, Марк. Это Эдгар Портман.

Отец Моника. Теперь понятно поведение Ленни. Эдгар, как всегда, держится слишком официально. Есть люди, тщательно обдумывающие свои слова. Это избранная публика, вроде моего тестя: прежде чем открыть рот, она бережно кладет слово на весы.

Я разом напрягся.

– Привет, Эдгар, как дела? – Ответ, надо признаться, прозвучал глуповато.

– Все нормально, спасибо. Приношу извинения за то, что не позвонил раньше. Но со слов Карсона я понял, что ты оправляешься от ранений. Я решил, лучше пока тебя не беспокоить.

– Весьма признателен, – с едва заметным сарказмом сказал я.

– Н-да. Насколько я понимаю, ты сегодня выписываешься?

– Верно.

Эдгар откашлялся, что вообще-то для него не характерно.

– Не смог бы заехать домой?

Домой. То есть к нему.

– Сегодня?

– Да, и чем быстрее, тем лучше. И если можно, один.

Повисло молчание. Ленни вопросительно посмотрел на меня.

– Что-нибудь случилось, Эдгар? – спросил я.

– Марк, внизу тебя ждет машина. Поговорим при встрече. – Он повесил трубку.

Действительно, на улице стоял черный «линкольн».

Ленни вывез меня в кресле-каталке. Улица была мне знакома, ведь я вырос всего в нескольких милях от больницы Святой Елизаветы. Когда мне было пять лет, отец срочно доставил меня сюда в отделение «скорой помощи», где мне наложили двенадцать швов, а когда исполнилось семь... Впрочем, о сальмонеллезе вам уже известно. Потом я поступил в медицинскую академию и снял квартиру неподалеку от Колумбийского университета, в так называемом пресвитерианском районе. А потом вернулся в больницу Святой Елизаветы, правда, не в качестве пациента.

Я – хирург, делаю пластические операции, но не те, о каких вы подумали. Время от времени я выправляю носы, однако с силиконовыми нитями в руках вы меня не увидите. Не то чтобы я осуждал кого-либо. Просто у меня работа другая.

Моя область – восстановительная детская хирургия; этим делом я занимаюсь вместе со своей бывшей соученицей по медицинской академии, трудоголиком из Бронкса по имени Зия Леру. Мы состоим на службе в компании «Единый мир». В общем-то, мы с Зией сами ее основали. Работаем с детьми, в основном за границей, страдающими от разнообразных деформаций – врожденных, полученных в результате недоедания или физического насилия. Мы много разъезжаем по свету. В Сьерра-Леоне я занимался лицевыми травмами, в Монголии – волчьей пастью, в Камбодже – болезнью Крузона, в Бронксе – ожогами. Подобно большинству людей моей профессии, я получил изрядную подготовку. Прошел курс специализации по оториноларингологии, год потратил на восстановление тканей, далее – пластические операции, стоматология и даже офтальмология. У Зии за спиной то же самое, только она сильнее меня в челюстных операциях.

Наверное, вы решили, что мы благодетели. Это заблуждение. У меня был выбор. Я мог сделаться костоправом, или подтягивать кожу тем, кто и без того красив, или помогать несчастным, в нищете живущим детям. Я выбрал последнее, но, увы, не столько из сострадания к обездоленным, сколько из профессионального интереса. Большинство хирургов моей

специальности в душе любители загадок. Мы странный народ. Мы помешаны на врожденных аномалиях, которые только в цирке показывать, да на гигантских опухолях. Знаете, эти жуткие уродства в учебниках по медицине – смотреть страшно, правда? А мы с Зией обожаем иметь дело с такими штуками. И еще больше – заниматься починкой, из частей собирать целое.

Свежий воздух щекотал легкие. Солнце светило, как при сотворении мира, словно насмехаясь над любым унынием. Я поднял лицо. Помнится, Моника точно так же вскидывала подбородок. Она утверждала, что это «снимает стресс». Морщины у нее разглаживались, будто солнечный луч делал ей легкий массаж. Я стоял с закрытыми глазами. Ленни – молча, рядом, не торопя меня.

Сам себе я всегда казался человеком чрезмерно чувствительным. Самые дурацкие фильмы вызывали у меня слезы. Я легко переходил от одного настроения к другому. Но в присутствии отца я никогда не плакал. И теперь, получив этот ужасный удар, я – как бы сказать? – был просто не способен к слезам. «Классический защитный механизм», – подумалось мне. Надо поторапливаться. Ситуация, в принципе, знакомая по работе: едва стоит появиться трещинке, как я склеиваю края, чтобы она не превратилась в настоящую расселину.

Ленни беспокоил звонок Эдгара.

– Ты хоть имеешь представление, что понадобилось этому старому сукину сыну?

– Ни малейшего.

Он замолчал. Я знаю, о чем он думал. Ленни всегда считал, что Эдгар виноват в смерти его отца. Старик был менеджером среднего звена в продовольственной компании – одной из многих, что принадлежали Эдгару. Он ишачил на фирму двадцать шесть лет, а когда ему исполнилось пятьдесят два, Эдгар затеял крупное слияние. И отец Ленни потерял работу. Помню мистера Маркуса сидящим с поникшими плечами за кухонным столом и заклеивающим конверты со своими анкетами. Работы он так и не нашел и два года спустя умер от сердечного приступа. Ленни был убежден, что увольнение и смерть отца между собой связаны.

– Может, мне с тобой поехать? – сказал он наконец.

– Да нет, справлюсь сам.

– Мобильник у тебя с собой?

Я кивнул.

– Если что нужно, сразу звони.

Я поблагодарил его, и Ленни отправился по своим делам. Водитель открыл дверцу, и я, поморщившись от боли, втиснулся в салон. Ехать было недалеко. Каслтон, штат Нью-Джерси. Там я родился. Мы миновали плотную застройку шестидесятых годов, большие участки семидесятых, здания с алюминиевым покрытием восьмидесятых, кондоминиумы девяностых. Потом деревья пошли чаще. Дома спрятались за густой растительностью от всякой рвани, которая может случайно оказаться на дороге. Мы приближались к старой роскоши, к месту, которое всегда пахнет осенью и дымком.

Первые Портсманы поселились здесь сразу по окончании Гражданской войны. Тогда, как и на большей части пригородных земель штата, здесь находились фермы. Прапрапрадед Портсман постепенно их распродал и на том нажился. Правда, шестнадцать акров в собственности у семьи сохранялись, и сейчас это был едва ли не самый крупный участок в округе. Когда мы поднялись повыше, я невольно посмотрел налево – в сторону семейного кладбища. В глаза бросился небольшой холм свежевырытой земли.

– Остановитесь, – сказал я водителю.

– Прошу прощения, доктор Сайдман, но мне велено доставить вас прямо домой.

Я хотел возразить, но потом передумал. Дождавшись, пока машина притормозит у парадного входа, я вышел и направился назад. «Доктор Сайдман!» – позвал водитель. Я не остановился. Он вновь окликнул меня. Я по-прежнему не обращал на него внимания.

Дождя не было, но трава зеленела, как в лесу после дождя. Розы стояли в полном цвету, поражая обилием красок.

Я попробовал ускорить шаг, и тут же почувствовал, что кожу буквально рвет на части. Пришлось от этой затеи отказаться. Прежде в усадьбе Портсманов я был всего лишь два раза (снаружи-то в молодости обозревал часто), но к семейному кладбищу никогда не приближался. То есть, как и большинство рационально мыслящих людей, попросту его избегал. Мысль хоронить близких у себя во дворе, как любимую собаку или кошку... Нет, подобные причуды богачей нам, обыкновенным особям, недоступны. Да и не стремимся мы их понять.

Ослепительно белый забор, окружающий кладбище, был, пожалуй, фута два в высоту. Может, его специально покрасили к моему приезду? Я перешагнул через явно ненужные ворота и, не сводя глаз с холмика, двинулся вдоль скромных надгробий. Дойдя до места, я почувствовал, что меня бьет дрожь. И опустил взгляд.

Точно, свежая могила. Надгробной плиты пока нет. Только дощечка, на которой четким каллиграфическим почерком, как на свадебном приглашении, написано:

НАША МОНИКА.

Я стоял и тер глаза. Моника. Моя бешеная красавица. Отношения у нас были тяжелые – классический случай, когда вначале страсти слишком много, а потом явно недостает. Не знаю, почему так вышло. Моника – другая, это факт. Поначалу ее огонь, ее пыл вызывал адекватную реакцию. А потом перепады настроения начали утомлять. Не хватало терпения копнуть глубже.

Я смотрел на холмик и вдруг почувствовал болезненный укол памяти. Это было за две ночи до того, как в нас стреляли. Я вошел в спальню и обнаружил Моникау плачущей. Не в первый раз. Далеко не в первый. Исполняя роль, отведенную мне в домашнем спектакле под названием «Семейная жизнь», я обычно спрашивал, в чем дело, но сердце мое в этом не участвовало. Раньше, в самом начале, бывало иначе. Моника молчала. Я пытался обнять ее, она напрягалась. Через какое-то время ее холодность стала меня раздражать, так мальчику надоедает кричать: «Волк! Волк!» В конце концов, сердце оледенело. А чего еще ожидать, когда наталкиваешься на камень? Нельзя же постоянно быть наседкой. В определенный момент неизбежно ударяешься в бунт.

По крайней мере, именно это я себе говорил.

Но в тот раз вышло иначе: Моника вдруг ответила. Ответила кратко. Чтобы быть точным, всего одной фразой: «Ты не любишь меня». Именно так. Сожаления в голосе не было. «Ты не любишь меня». Выдавливая дежурные возражения, я тогда подумал: «Может, она и права».

Я закрыл глаза и отдался воспоминаниям. Наша жизнь складывалась плохо, но, по крайней мере, полгода назад появился выход, надежный и теплый узел связи – наша дочь. Я посмотрел на небо, снова протер глаза и перевел взгляд на землю, под которой лежит моя непредсказуемая жена.

– Моника, – сказал я.

И дал ей последнюю клятву.

На могиле жены я поклялся найти Тару.

* * *

Слуга, то ли швейцар, то ли секретарь (не знаю, как их теперь называют), провел меня через коридор в библиотеку. Обстановка в глаза не бросалась, но большими деньгами пахло: темный паркет с простыми восточными коврами, мебель в старом американском стиле – скорее внушительная, нежели изящная. При всем своем богатстве, Эдгар был не из тех, кто

тычет им в лицо. Само слово «нувориш» было, по его мнению, чем-то неприличным, непроносимым.

Эдгар сидел за просторным письменным столом из мореного дуба, посредине которого красовались гусиное перо (прапрадедово, если не ошибаюсь) и два бронзовых бюста – Вашингтона и Джефферсона. При виде меня Эдгар встал и одернул блейзер из голубого кашемира. К моему удивлению, помимо хозяина, в библиотеке находился и дядя Карсон. Когда он навещал меня в больнице, я был слишком слаб для объятий. Теперь Карсон решил наверстать упущенное. Он тесно прижал меня к груди. Я молча покорился. От него, как от усадьбы, пахло осенью и дымком.

Фотографий в комнате не было – ни семейных снимков на отдыхе, ни школьных портретов, ни изображений главы семьи с супругой на благотворительном вечере. Честно говоря, я вообще не встречал фотографий в этом доме.

– Ну как ты, Марк? – осведомился Карсон.

– Да все нормально, дальше некуда, – ответил я и повернулся к тестю.

Эдгар не вышел из-за стола. Мы не обнялись. Даже рукопожатием не обменялись. Он просто указал мне на кресло перед столом.

Нельзя сказать, что я был близко знаком с Эдгаром. Мы вообще виделись всего трижды. И насколько он богат, я не знаю. Но даже если извлечь его из этой обстановки, даже если столкнуться с ним на городской улице или автовокзале, даже если вообще раздеть донага, все равно сразу можно сказать: Портсманы – это деньги. Моника тоже несла эту печать, она передается из поколения в поколение, это не заученный урок, это генетика. Решение Моника жить в нашей относительно скромной берлоге было, наверное, формой бунта.

Она ненавидела отца.

И я не особенно любил его – быть может, оттого, что мне приходилось сталкиваться с подобными людьми. Эдгар считает, что всего в жизни добился сам, но в действительности деньги достались ему традиционным путем – по наследству. Не то чтобы среди моих знакомых было много богачей, но я заметил: чем больше тебе достается на блюде с голубой каемочкой, тем охотнее ты толкуешь о матерях, живущих на пособие и государственные подачки. Удивительно, право. Эдгар принадлежит к той уникальной категории избранных, которые внушили себе, будто добились своего положения тяжким трудом. Разумеется, мы все склонны к самообольщению, и если тебе никогда не приходилось бороться за существование, если ты всегда жил в роскоши и даже пальцем ради нее не пошевелил, что ж, такая иллюзия, наверное, служит психологической компенсацией, добавляет апломба. Но все равно, нельзя быть настолько самодовольным.

Я сел. Эдгар – тоже. Карсон остался стоять. Я внимательно посмотрел на Эдгара. Комплекция мужчины, привыкшего хорошо поесть. Кожа на лице в мелких морщинках. Румянец исчез. Эдгар переплел пальцы и прижал ладони к брюшку. Выглядел он, к некоторому моему удивлению, подавленным, вялым, каким-то безжизненным.

Я удивился, ибо Эдгар всегда представлялся мне чистым воплощением эгоизма, человеком, для которого существуют только собственные беды и радости, люди для него – лишь элементы интерьера или роботы, предназначенные для развлечения. Теперь, со смертью Моника, у Эдгара не осталось детей. Его сын Эдди IV десять лет назад погиб в автокатастрофе, сев за руль пьяным. Моника считала, он выехал на встречную полосу и врезался в фургон нарочно. Непонятно почему, но винила она в этом отца. Она вообще во многом его винила.

Имеется мать Моника. Ее я видел один раз. Она все время «отдыхает». У нее «продолжительные каникулы». Иными словами, она то и дело попадает в психиатрическое заведение. В тот день она собиралась на светский раут, приодетая, надушенная, красивая, только бледная очень, и глаза пустые, и речь запинаящаяся, и шаткая походка.

Если не считать дяди Карсона, Моника чувствовала себя чужой среди родных. Мне, как понимаете, это было все равно.

– Хотели видеть меня? – спросил я.

– Да, Марк. Я хотел тебя видеть.

Я выжидательно помолчал.

– Ты любил мою дочь? – Эдгар переложил ладони на стол.

К такому вопросу я не был готов, тем не менее, без малейшего промедления ответил:

– Да, очень любил.

Похоже, он догадался, что я лукавлю. Я изо всех сил постарался выдержать его взгляд.

– И все же, скажу тебе, счастливой она не была.

– Не думаю, что в этом следует винить меня.

– Справедливо замечено, – медленно кивнул Эдгар.

Но в моих глазах такая защита выглядела слабой. Слова Эдгара шарахнули меня, как кувалдой. Меня вновь затопило чувство огромной вины.

– Тебе известно, что Моника консультировалась с психиатром? – спросил Эдгар.

Я перевел взгляд на Карсона, затем вернулся к тестю.

– Нет.

– Неудивительно. Она хотела сохранить это в тайне от всех.

– А вам как удалось узнать?

Эдгар не ответил, погруженный в изучение собственных ладоней. Затем сказал:

– Сейчас я кое-что тебе покажу.

Я бросил на дядю Карсона еще один взгляд – исподтишка. Мне показалось, он вздрогнул.

– Валяйте, – разрешил я Эдгару.

Эдгар отпер ящик стола, пошарил внутри, извлек пластиковый мешочек и, зажав его между большим и указательным пальцами, поднял над столом. Я не сразу сообразил, что передо мной, а когда понял, выкатил глаза и лишился дара речи.

– Узнаешь?

Я посмотрел на Карсона. Глаза у него покраснели. Я перевел взгляд на Эдгара и молча кивнул. В мешочке был лоскут примерно три на три дюйма – образчик материи, которую я видел две недели назад, за несколько мгновений до выстрела.

Розовый, с черными пингвинами.

– Как это к вам попало? – едва слышно прохрипел я.

Эдгар протянул мне большой коричневый конверт, обернутый в пластик. Я повернул его другой стороной. Имя и адрес Эдгара. Обратного адреса нет. Судя по штемпелю, бандероль отправлена из Нью-Йорка.

– Это пришло с сегодняшней почтой, – сказал Эдгар и ткнул пальцем в лоскуток. – Тарино?

По-моему, я выдавил из себя:

– Да.

– Это не все. – Эдгар вновь запустил руку в ящик. – Я взял на себя смелость разложить все по мешочкам. На случай если власти решат взять на анализ содержимое.

Он протянул мне пластиковый пакетик на липучке. Внутри оказались волосы. Крохотные локоны. Когда я понял, на что смотрю, мне стало по-настоящему страшно. Перехватило дыхание.

Волосы младенца.

Откуда-то издали донесся голос Эдгара:

– Ее?

Я закрыл глаза и попытался представить себе Тару в кровати. К моему ужасу, черты дочери уже поистерлись в памяти. Неужели это возможно? Я даже затрудняюсь сказать, что увидел: реальный образ, выплывший из глубины сознания, или то, что я придумал взамен его. Проклятие! Веки набухли слезами. Я не в силах был мысленно нарисовать головку дочери, которую так любил поглаживать.

– Марк?

– Может быть, – сказал я, открывая глаза. – С уверенностью сказать не могу.

– И последнее. – Эдгар передал мне очередной пластиковый контейнер.

Я аккуратно положил его на стол рядом с волосами. В контейнере лежал лист бумаги со следующим текстом, напечатанным, похоже, на лазерном принтере:

«Если сообщите властям, мы исчезнем и вам никогда не узнать, что с ней. Мы будем следить за вами. Нам все будет известно. У нас есть свой человек. Ваши звонки отслеживаются, так что не надо говорить на эту тему по телефону. Мы знаем, что ты, дедушка, богатенький. Нам нужны два миллиона долларов. И выкуп передашь ты, папочка. Так что готовь деньги, дедушка. Посылаем мобильник. Он защищен от прослушки. Но если будете пользоваться им для разговоров с другими, нам это станет известно. Мы исчезнем, и вы никогда не увидите ребенка. Дедушка, готовь деньги. Передай их папочке. А ты, папочка, держи деньги и мобильник при себе. Отправляйся домой и жди. Мы позвоним и скажем, что делать. Будешь своевольничать – потеряешь дочь. Это твой единственный шанс».

Необычный слог, мягко говоря. Я прочитал записку трижды и посмотрел на Эдгара с Карсоном. Мной овладела странная умиротворенность. Да, случилась страшная вещь, но эта записка... Она успокаивает. Наконец хоть что-то произошло. Теперь можно действовать. Можно вернуть Тару. Появилась надежда.

Эдгар встал, проследовал в угол, открыл шкаф и вытащил спортивную сумку с эмблемой «Найк».

– Здесь вся сумма, – сообщил он и положил сумку мне на колени.

Я опустил взгляд:

– Два миллиона?

– Банкноты разложены не по номерам, но сами номера я на всякий случай переписал.

– Может, стоит связаться с ФБР? – Я перевел взгляд с сумки на Карсона.

– Не думаю. – Эдгар уселся на крышку стола и скрестил руки на груди. От него пахло лосьоном, но этот запах смешивался с чем-то куда более простым, прогорклым, земным. Под глазами у Эдгара темнели круги. – Решать тебе, Марк. Ты отец. Мы с уважением примем любое твое решение. Но ты знаешь, мне приходилось иметь кое-какие дела с верхами. Возможно, я сужу предвзято, возможно, мои взгляды окрашены личным отношением, но, по моему опыту общения, люди из ФБР некомпетентны и своекорыстны. Если бы речь шла о моей дочери, я положился бы скорее на собственное суждение, нежели на них.

Я колебался. Эдгар взял бразды правления в свои руки. Он хлопнул в ладоши и кивнул в сторону двери.

– В записке говорится, чтобы ты ехал домой и ждал. По-моему, лучше последовать указанию.

Глава 3

За рулем сидел прежний водитель. Прижимая сумку с деньгами к груди, я скользнул на заднее сиденье. Чувства мои раздваивались между малодушным страхом и, как ни странно, чем-то похожим на душевный подъем. У меня появился шанс вернуть дочь. Со всем этим можно покончить.

Но для начала надо решить главное: обращаться в полицию или нет?

Я попробовал успокоиться, взглянуть на ситуацию хладнокровно, со стороны, взвесить все «за» и «против». Естественно, это не удалось. Я врач. Мне случалось делать выбор, от которого зависит жизнь. Для верного решения необходимо избавиться от любого балласта, вычесть из уравнения чрезмерные переживания. Но на карте – жизнь дочери. Моей родной дочери. Или, как я уже сказал в самом начале, – мой мир.

Дом, который мы с Моникой купили, расположен рядом с домом, где я вырос и где до сих пор живут мои родители. Отношусь я к этому противоречиво. Вообще-то мне не нравится жить так близко к родителям, но еще больше не по душе бросать их и терзаться по этому поводу. И вот компромисс – жить рядом и много ездить.

Ленни с женой обитают в четырех кварталах отсюда, около Каслтон-Молл, в доме, где Черил выросла. Ее родители шесть лет назад переехали во Флориду, в Роузленд, там у них квартира в кондоминиуме, так что можно часто навещать внуков, избегая испепеляющей летней жары Солнечного штата.

Мне лично жить в Каслтоне не особенно нравится. За последние тридцать лет городок почти не изменился. В молодости мы насмеялись над родителями, их материалистическими склонностями и пустыми, с нашей точки зрения, ценностями. Теперь мы сами сделались родителями. Мы просто заняли их место, а маму с папой нацелили туда, где их вскоре согласятся принять. Наше место займут наши дети. А так – все по-прежнему. Закусочная Мори – на Каслтон-авеню. В пожарной команде работают в основном добровольцы. Мальчишки играют в футбол на Нортленд-Филд. Линии высоковольтной передачи проходят в опасной близости от моей начальной школы. В роще позади дома Бреннеров на Рокмонт-террас околачиваются и покуривают травку подростки. Каждый год среднюю школу кончают от пяти до восьми отличников; во времена моей молодости это были преимущественно евреи, а сейчас – выходцы из азиатских стран.

Мы повернули направо и двинулись по Монрол-авеню вдоль домов с двухэтажными квартирами. В одной из них я вырос. Выкрашенная в белый цвет, с темными шторами кухни, гостиная и столовая расположены в левой верхней части, кабинет и гараж – справа внизу. Родительский дом, хотя и несколько обветшавший, мало чем отличался от местных берлог. Единственное, что выделяло его, – скат-пандус для инвалидной коляски. Его сделали, когда мне было двенадцать лет, после того, как с отцом случился третий удар. Мы с друзьями любили гонять по пандусу на роликовых коньках. У края мы устроили трамплин из фанеры и кучи золы.

На подъездной дорожке стояла машина медсестры. Она приезжает в дневное время. Круглосуточного дежурства у нас нет. Отец прикован к каталке вот уже больше двадцати лет. Говорить не может. Губа у него слева уродливо загнута вниз. Половина туловища парализована, да и вторая не многим лучше.

Водитель свернул на Дерби-террас, и я увидел, что за минувшие несколько недель мой дом – наш с Моникой дом – ничуть не переменялся. Не знаю, впрочем, чего я ожидал. Быть может, полицейского ограждения. Или большого пятна крови. Так или иначе, ничего, мало-мальски намекающего на то, что здесь произошло две недели назад, не было.

Прежние хозяева дома лишились права выкупа по закладной. В течение тридцати шести лет здесь жили некие Левински, но никто с ними тесно не общался. Миссис Левински была на вид славной женщиной, хотя от тика у нее дергалась щека. Мистер Левински, напротив, казался чудовищем, он постоянно орал на жену. Мы все его боялись. Однажды мы видели, как он с лопатой в руках гонится за миссис Левински, на которой была одна ночная рубашка. Дети, залезавшие куда попало, обходили их участок стороной. Вскоре после того, как я окончил колледж, прошел слух, будто Левински изнасиловал свою дочь Дину, робкую, с грустными глазами и шелковистыми волосами девушку. С Диной я проучился вместе лет десять, начиная с первого класса. Однако сейчас, оглядываясь назад, не припомню, чтобы голос ее когда-нибудь поднимался над шепотом, да и шептала-то она, лишь когда была вынуждена отвечать учителям, которые, кстати, всегда хорошо к ней относились. Я так и не сблизился с Диной. Не знаю уж, чем бы это кончилось, тем не менее жаль, даже не попробовал.

Приблизительно в то время, когда в округе зашушукались о том, что Левински изнасиловал дочь, семья вдруг в одночасье собралась и уехала. Куда – неизвестно. Дом перешел к банку, который и сдавал его внаем. Мы с Моникой подали заявку на приобретение за несколько недель до рождения Тары.

В первые дни после переезда я просыпался ночами и вслушивался... не знаю, во что именно, наверное, в какие-то звуки, хранящие память о прошлом этого дома, о беде, которая здесь жила. Я пытался сообразить, какая из комнат была Дининой спальней, и как она пережила случившееся, и каково ей сейчас, но ответа не находил. Могу только повторить: дом – это кирпич и цементный раствор. И больше ничего.

Рядом с подъездом были припаркованы какие-то две машины. На пороге стояла мать. Стоило мне выйти, как она бросилась ко мне, словно телеоператор к солдату, вернувшемуся из плена. Она крепко обняла меня, и я уловил густой аромат духов. В руках я по-прежнему держал сумку с деньгами, и ответить на объятие с равным пылом было затруднительно.

Из-за спины матери появились детектив Боб Риган и рослый чернокожий мужчина с блестящим, выбритым наголо черепом и в модных солнечных очках.

– Это к тебе, – прошептала мать.

Я кивнул и двинулся в их сторону. Риган прикрыл глаза ладонью, но скорее для вида: солнце светило не так уж ярко. Чернокожий даже не пошевелился.

– Где вы были? – спросил Риган и, не дождавшись ответа, добавил: – Из больницы вы уехали больше часа назад.

Я подумал о мобильнике, лежавшем у меня в кармане. О сумке с деньгами. Ладно, для начала ограничимся полуправдой:

– На могиле у жены.

– Нам надо поговорить, Марк.

– Заходите.

Все вошли в дом. В прихожей я остановился. Вот здесь, меньше чем в десяти футах отсюда, было найдено тело Моника. Не сходя с места, я окинул взглядом стену в поисках какого-нибудь знака насилия. И он обнаружился. Прямо над литографией с картины Беренса, неподалеку от лестницы, виднелось замазанное отверстие от пули – единственной, пролетевшей мимо меня и Моника.

Я долго не отводил от пятна взгляда. Кто-то откашлялся. Оказалось – я сам. Мать постучала меня по спине и проследовала на кухню. Я жестом предложил Ригану и его спутнику пройти в гостиную.

Они придвинули стулья. Я сел на диван. По-настоящему мы с Моникой не успели обставиться. На этих стульях я сживал в студенческом общежитии, и выглядели они на все прошедшие с тех пор годы. Диван – из апартаментов Моника, мебель из породы «не прика-

саться», такая в Версале стоит, тяжеловесная и чинная; даже во времена своей юности особо крепкой обивкой диван не отличался.

– Это специальный агент Ллойд Тикнер. – Риган указал на чернокожего. – ФБР.

Тикнер кивнул. Я ответил так же.

– Рад, что вы чувствуете себя лучше, – попытался улыбнуться Риган.

– С чего это вы взяли?

Он удивленно посмотрел на меня.

– Нисколько я себя лучше не чувствую и не почувствую, пока не вернется дочь.

– А, ну да, конечно. Вы об этом. У нас, если не возражаете, к вам несколько вопросов.

Я дал понять, что не возражаю.

Риган откашлялся, выигрывая время.

– Вам следует понять, почему мы задаем эти вопросы. Они мне не нравятся. Не сомневаюсь, что не понравятся и вам, но ничего не поделаешь. Улавливаете?

Вообще-то не вполне, но сейчас не время для подробных объяснений.

– Валяйте.

– Расскажите нам про свою семейную жизнь.

В мозжечке у меня что-то щелкнуло: внимание!

– А какое это имеет отношение к делу?

Риган пожал плечами. Тикнер не пошевелился.

– Мы просто пробуем связать концы с концами.

– Но ни один из них не имеет отношения к моей женитьбе.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, Марк. Но видите ли, пока что, куда мы ни ткнемся, повсюду холодно. А время уходит, и это плохо. Мы просто должны испробовать все пути.

– Единственный путь, который меня интересует, – тот, что ведет к Таре.

– Это понятно. Для нас это тоже главное. Выяснить, что случилось с вашей дочерью.

И с вами. Не следует забывать, что кто-то хотел вас убить, ведь так?

– По-видимому.

– Но видите ли, другие вопросы мы тоже не можем просто отбросить.

– Какие вопросы?

– Например, ваш брак.

– А почему вас интересует мой брак?

– Ведь когда вы женились, Моника была беременна, так?

– Какое это имеет... – Я оборвал себя на полуслове. Вообще-то очень хотелось выстрелить из обоих стволов, но тут в сознании у меня громко прозвучал голос Ленни. Не разговаривать с полицейскими в его отсутствие. Надо позвонить ему. Я хорошо понимал это. Но что-то в их тоне и поведении меня останавливало... Если я замолчу и скажу, что мне нужно связаться с адвокатом, это будет выглядеть так, словно я чувствую себя виновным. А мне скрывать нечего. Так зачем же возбуждать подозрения? Разумеется, мне известно было и то, что именно так полицейские и работают, по таким правилам и играют, но ведь кто из нас доктор? Я. Более того – хирург. Мы часто заблуждаемся, полагая себя умнее всех остальных.

Я решил говорить начистоту:

– Да, она была беременна. Ну и что?

– А вы делаете пластические операции, верно?

– Верно. – Смена предмета разговора несколько смутила меня.

– Вместе с коллегой-хирургом вы избавляете людей из разных стран от врожденных уродств, серьезных травм лица, ожогов и так далее.

– Близко к тому.

– Стало быть, много путешествуете?

– Довольно много.

– Можно сказать, что за последние два года перед женитьбой вы провели за границей больше времени, чем дома?

– Возможно. – Я поудобнее устроился на жесткой диванной подушке. – Хотелось бы, однако, понять, какое все это имеет отношение к делу?

– Мы просто пытаемся составить максимально полную картину, – обезоруживающе улыбнулся Риган.

– Картину чего?

– Вашего коллегу зовут... – он полистал блокнот, – мисс Зия Леру.

– Доктор Леру, – поправил я.

– Ну да, конечно, доктор Леру, благодарю вас. А где она сейчас?

– В Камбодже.

– Оперирует детей-калек?

– Да.

Риган склонил голову набок, как бы в смущении.

– Вроде вы сами собирались ехать.

– Было дело, только давно.

– Насколько давно?

– Простите?

– Когда вы отказались от этой поездки?

– Не помню. Может, девять месяцев назад, может, восемь.

– И вместо вас поехала доктор Леру?

– Именно. Из этого следует, что...

Риган не попался на крючок:

– Вы ведь любите свою работу, Марк?

– Да.

– И путешествовать любите? Занимаясь своим похвальным делом.

– Факт.

Риган почесал в затылке, явно прикидываясь сбитым с толка:

– В таком случае почему вы уступили свое место доктору Леру?

Теперь мне стало ясно, куда он клонит.

– Потому что у меня появились другие обязательства.

– Вы говорите о жене и дочери, правильно?

Я выпрямился и посмотрел ему прямо в глаза:

– Суть? В чем суть вопросов?

Риган откинулся на спинку стула. Тикнер последовал его примеру.

– Мы просто пытаемся составить полную картину, вот и все.

– Это я уже слышал.

– Секунду, секунду. – Риган принялся листать блокнот. – Джинсы и красная блузка.

– Что?

– Я о вашей жене. – Он ткнул пальцем в какую-то запись. – Вы сказали, в то утро на ней были джинсы и красная блузка.

Моника замелькала передо мной в разных видах. Я попытался сосредоточиться.

– Ну и что?

– Когда мы нашли ее мертвой, – сказал Риган, – на ней ничего не было.

У меня задрожало сердце. Дрожь передалась в руки, закололо пальцы.

– Разве я раньше не говорил вам?

– Ее... – Голос у меня пресекся.

– Нет, нет, – поспешно сказал Риган, – никаких следов на теле, кроме пулевых отверстий, мы не обнаружили. – Он склонил голову набок, как бы взывая к моей помощи. – Мы нашли ее тело в этой самой комнате. Она что, часто разгуливала по дому нагишом?

– Я ведь уже говорил вам... – Пауза. Я с трудом переваривал новые сведения. – На ней были джинсы и красная блузка.

– Выходит, она уже оделась?

Я вспомнил шум душа. Я вспомнил, как она вышла из ванной, откинула волосы, села на кровать и натянула джинсы.

– Да.

– Точно?

– Точно.

– Знаете мы прочесали весь дом. И так и не нашли красной блузки. Джинсы – дело иное. Их у нее несколько пар. Но никакой красной блузки. Вам это не кажется странным?

– Минуту. А рядом с ней одежда не лежала?

– Нет.

«Чушь какая-то», – мелькнуло у меня в голове.

– Надо посмотреть в шкафу, – сказал я.

– Да мы уж смотрели. Но разумеется, действуйте. В случае удачи, может, объясните нам, каким образом вещи, которые на ней были, вновь очутились в гардеробе? Вам это тоже, наверное, любопытно?

Я не двинулся с места.

– У вас есть оружие, доктор Сайдман?

Очередной поворот темы. Я старался поспевать за Риганом, но голова у меня кружилась.

– Да.

– Какое?

– «Смит-и-вессон», тридцать восьмой калибр. Это еще отцовский.

– И где он сейчас?

– В спальне, в шкафу. На верхней полке, в специальном ящичке.

Риган пошарил у себя за спиной и извлек железный ящик.

– Этот?

– Он самый.

– Откройте.

Он бросил мне ящичек. Я подхватил на лету. Металл, выкрашенный в неопределенный цвет, оказался прохладным на ощупь. Но дело не в этом. Ящик был поразительно легким. Я набрал код замка и откинул крышку. Полистал бумаги (паспорт на машину, купчая на дом, описание имущества), но лишь затем, чтобы взять себя в руки. Револьвера не было.

– И в вас, и в вашу жену стреляли из тридцать восьмого, – сказал Риган. – Похоже, ваш куда-то пропал.

Я не сводил глаз с ящичка, словно ожидая, что оружие вот-вот материализуется из ничего. Связать концы с концами не удавалось.

– Как он мог исчезнуть? У вас есть какие-нибудь догадки на сей счет?

Я молча покачал головой.

– Тогда вот еще что.

Я вопросительно посмотрел на Ригана.

– В вас с Моникой стреляли из разных револьверов.

– Извините?

– Да, мне тоже было трудно поверить, – кивнул Риган. – Но баллистическую экспертизу проводили дважды. Система и калибр одинаковые, стволы разные. При этом вашего

«смит-и-вессона» в наличии нет. – Риган театрально пожал плечами. – Что бы это значило? Помогите разобраться, Марк.

Я посмотрел на детективов. Лица мне не понравились. Я вспомнил, о чем предупреждал меня Ленни.

– Мне нужно позвонить адвокату, – решительно заявил я.

– Уверены?

– Да.

– Что ж, звоните.

Мать стояла на пороге кухни, нервно потирая руки. Что из сказанного она услышала? Судя по ее мимике, немало. Мама выжидательно подняла брови. Я кивнул, и она пошла звонить Ленни. Я сложил на груди руки, но так сидеть было неудобно. Я принялся постукивать ногой по полу. Тикнер снял очки, взглянул на меня и впервые открыл рот:

– Что у вас в сумке?

Я молча посмотрел на него.

– В спортивной сумке, которую вы постоянно ощупываете? – уточнил Тикнер. Голос был простодушен и даже плаксив, явно не соответствуя очертаниям лица. – Что в ней?

Да, я с самого начала допустил большую ошибку. Надо было послушаться Ленни. Надо было сразу ему позвонить. Теперь я и не знал, что сказать. Послышался голос матери. Она просила Ленни поторопиться.

Я безуспешно искал более или менее правдоподобный ответ, когда пронзительный звук отвлек мое внимание.

Зазвонил телефон – тот самый, что похитители прислали тестю.

Глава 4

Тикнер с Риганом ждали ответа.

Я извинился и, не давая им времени возразить, поспешно вышел из гостиной. В руке я сжимал телефон. В глаза мне ударил солнечный луч. Я прищурился и посмотрел на панель мобильного. Кнопка ответа была расположена иначе, чем на моем.

На противоположной стороне улицы две девочки в ярких шлемах вовсю накручивали педали велосипедов. У одной на руле развевались розовые ленты. Когда я был маленьким, в этом районе жило человек десять детей моего возраста. Мы часто собирались после уроков. Не помню уж, во что мы играли, – во всяком случае, не в бейсбол или что-нибудь в этом роде, для таких игр мы были недостаточно организованы. Нас увлекали тайники, погони, нападение, защита. Считается, что детство в предместье – пора невинности, но как же часто день у нас кончался слезами, по крайней мере для одного участника игры. Мы спорили до хрипоты, меняли союзников, объявляли войну и заключали мир. Как водится, назавтра все забывалось. Игра начиналась с чистого листа. Составлялись новые коалиции. И следующий парнишка прибежал домой в слезах.

Я нажал нужную кнопку и поднес аппарат к уху – все одним движением. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выскочит наружу. Я откашлялся и, чувствуя себя полным идиотом, сказал:

– Слушаю.

– Говори только «да» или «нет». – Сквозь голос пробивался в трубке шелест магнитофонной ленты. – Деньги достал?

– Да.

– Гарден-Стейт-Плаза. Знаешь, где это?

– Парамус-роуд.

– Ровно через два часа припаркуйся на северной стоянке. Сектор девять. Это рядом с «Нордстромом». К тебе подойдут.

– Но...

– Если будешь не один, мы исчезнем. Если за тобой кто-нибудь следует, мы исчезнем. Если нюхом почуем легавого, мы исчезнем. Другого шанса не будет. Ясно?

– Да, но когда...

Отбой.

Рука опустилась. Мною овладело равнодушие. Девочки на противоположной стороне улицы о чем-то заспорили. Суть проблемы я не уловил, но каждая то и дело внушительно повторяла слово «мой». Из-за угла вылетела «субару». Завизжали тормоза. Водительская дверь распахнулось до того, как машина остановилась.

Это был Ленни. Ему хватило одного взгляда, чтобы рвануться ко мне.

– Марк?

– Ты был прав. – Я кивнул в сторону дома. На пороге стоял Риган. – Они подозревают меня.

Ленни нахмурился. Глаза сузились, зрачки превратились в кнопки. В спорте такую мину называют «боевая». Ленни уперся взглядом в Ригана, словно прикидывал, в какую часть тела нанести удар.

– Ты разговаривал с ними?

– Немного.

– А что тебе нужен адвокат, сказал?

– Сказал, но не сразу.

– Послушай, Марк, я ведь предупреждал...

– Я получил требование о выкупе.

Это известие заставило Ленни подобраться. Я посмотрел на часы. До Парамуса сорок минут езды, с учетом пробок – час. Время у меня было, хотя и немного. Я принялся пересказывать допрос. Ленни вновь взглянул на Ригана и увел меня подальше от дома. Мы остановились у бордюра, разделяющего участки, и, как школьники, уселись на сероватые булыжники. Колени упирались прямо в подбородки. У Ленни задралась штанина, и я невольно отметил полоску кожи между носком и узкими брючными манжетами. Сидеть было чертовски неудобно. В глаза било солнце. Мы больше щурились, чем смотрели друг на друга. Как в детстве. Это облегчало мне рассказ.

Я быстро передал их вопросы и мои ответы. Посредине рассказа в нашу сторону двинулся Риган. Ленни повернулся к нему и крикнул:

– Яйца побереги.

– Что-что? – Риган остановился.

– Вы собираетесь арестовать моего клиента?

– Нет.

– В таком случае, – Ленни прицелился указательным пальцем в пах Ригана, – еще шаг, и я отрежу тебе яйца, выкрашу их бронзовой краской и подвешу к зеркалу заднего вида.

– У нас есть к вашему клиенту несколько вопросов. – Риган с достоинством расправил плечи.

– Круто. Только прежде чем нарушать чьи-то права, поищи другого адвоката.

Ленни махнул Ригану рукой – мол, свободен – и кивком велел мне продолжать. Ригану наше общение явно не нравилось, однако он отступил. Я вновь посмотрел на часы. После звонка прошло всего пять минут. Я завершил рассказ. Ленни просверлил взглядом Ригана.

– Хочешь знать, что я об этом думаю?

– Да.

– По-моему, надо все рассказать им.

– Уверен?

– Более или менее.

– А как бы ты сам поступил? Если бы речь шла о твоём ребенке?

Ленни на секунду задумался.

– Я не могу поставить себя на твое место. Но вообще-то – да, я бы рассказал. Я всегда рассчитываю на шанс. А он будет, если легавые узнают. Я не хочу сказать, будто всегда получается, как хочешь, но в таких делах они специалисты. А мы нет. – Ленни просунул между подбородком и коленями ладони (так он любил сживать в детстве). – Таково мнение Ленни-друга. Ленни-друг советует тебе все рассказать.

– А Ленни-адвокат?

– Он был бы более настойчив. Он бы решительно потребовал, чтобы ты раскрыл карты.

– Почему?

– Дело в двух миллионах. Если они безвозвратно исчезнут, пусть даже Тара вернется домой, подозрения, мягко говоря, усилятся.

– Плевать. Мне надо вернуть дочь.

– Это-то ясно.

Или вернее сказать, ясно Ленни-другу. Теперь пришла очередь Ленни смотреть на часы. Внутри у меня все переворачивалось, как во время водного слалома. Я почти слышал: тик-так. Это сводило с ума. Я снова попробовал все разложить по полочкам, прикинуть «за» и «против» и подвести баланс. Но тиканье мешало сосредоточиться.

Ленни говорил про шанс. Но я не охотник до азартных игр. Я человек не рисковый. На той сторону улицы одна девочка крикнула: «Все расскажу!» И сорвалась с места. Другая засмеялась и села на велосипед. Я почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. Сейчас

мне страшно не хватало Моники. Нельзя такие решения принимать в одиночку. Она должна быть рядом.

Я посмотрел на парадную дверь. На пороге стояли Риган с Тикнером. Риган в позе Наполеона слегка переминался с ноги на ногу, Тикнер не шевелился, лицо по-прежнему выражало полнейшую безмятежность. И это люди, которым я собираюсь вверить жизнь своей дочери? Что для них главное? Тара или, как сказал Эдгар, неведомые мне личные интересы?

Тиканье становилось все громче, все настойчивее.

Кто-то убил мою жену. Кто-то похитил мою дочь. За последние несколько дней я беспрестанно спрашивал себя: почему? Почему жертвами оказались именно мы? При этом я старался не давать волю эмоциям, не впадать в жалостливое сочувствие к самому себе. И не находил ответа. Я не видел мотивов – наверное, в этом состояло самое страшное. Возможно, никакой причины и не было. Возможно, это просто злая ухмылка судьбы.

Ленни смотрел прямо перед собой и ждал, что я скажу. Тик-так, тик-так.

– Давай все расскажем, – решил я.

Реакция меня удивила. Они ударились в панику.

Естественно, оба попытались утаить это, но выдали внешние признаки – трепетание ресниц, напряженно сжатые губы, неожиданно мягкий тембр голоса. Они явно не были готовы к такому цейтноту. Тикнер сразу же связался с фэбээровцем – специалистом по похищениям людей. Говоря с ним, он прикрыл мембрану ладонью. Риган позвонил коллегам в полицейское управление Парамуса.

Повесив трубку, Тикнер повернулся ко мне:

– Мы повсюду расставим своих людей. Разумеется, незаметно. Семнадцатое шоссе в обоих направлениях и все съезды с него будут перекрыты. Молл по всему периметру тоже окружим. Но вот что я доложу вам, доктор Сайдман. Эксперты рекомендуют вступить с похитителем в контакт. Может, нам удастся уговорить его отложить...

– Нет.

– Да куда они не денутся, – отмахнулся Тикнер. – Им же деньги нужны.

– Моя дочь у них в руках почти три недели, – отрезал я. – Дольше я ждать не собираюсь. Он неохотно кивнул и, стараясь сохранить привычное спокойствие, сказал:

– В таком случае с вами в машине будет мой человек.

– Не пойдет.

– Он спрячется сзади.

– Не пойдет, – повторил я.

Тикнер зашел с другой стороны:

– А еще лучше – мы такие фокусы уже проделывали – скажем похитителю, что вы не в состоянии вести машину: в конце концов, только сегодня из больницы выписались. На ваше место посадим своего человека. Представим как вашего двоюродного брата.

– Вы намекали, что в этом деле замешана моя сестра. – Я хмуро посмотрел на Ригана.

– Да, не исключено.

– В таком случае не кажется ли вам, что она может не узнать моего «двоюродного брата»?

Тикнер и Риган обменялись растерянным взглядом и дружно закивали.

– Верно, – сказал Риган.

«И это профессионалы, которым я вверяю жизнь Тары! Не слишком-то ободряющее начало». Я двинулся к двери.

– Куда вы? – Тикнер положил мне руку на плечо.

– А вы как, черт возьми, думаете?

– Присядьте, доктор Сайдман.

– Времени нет, – бросил я. – Надо выезжать. Могут быть пробки.

– О пробках мы позаботимся.

– И разумеется, это не вызовет никаких подозрений.

– Я сильно сомневаюсь, что за вами будут следить с самого начала, прямо отсюда.

Я круто повернулся и посмотрел ему прямо в лицо:

– А если бы речь шла о жизни вашего ребенка, вы бы стали рисковать?

На сей раз он помедлил с ответом.

– По-моему, вы не понимаете, – сказал я, не сводя с него глаз. – Мне наплевать на деньги. И наплевать на похитителей, пусть исчезают. Я просто хочу вернуть своего ребенка.

– Это нам ясно, но вы кое о чем забываете, – возразил Тикнер.

– А именно?

– Присядьте.

– Послушайте, – взорвался я, – окажите мне любезность. Позвольте я постою. Я врач. И не хуже вас знаю, что такое дурные новости и как их воспринимают. Так что не надо играть со мной.

– Ваша правда. – Тикнер поднял руки и набрал в легкие побольше воздуха.

Все же играет. Но я-то совершенно к этому не расположен.

– Итак, о чем речь?

– О вас, – начал он. – В вас стреляли, и мы пока не знаем кто. И убили вашу жену.

– Это я понимаю.

– Не уверен. Подумайте немного. Мы не можем оставить вас с этими людьми один на один. На вашу жизнь покушались. В вас дважды стреляли. И решили, что вы мертвы.

– Марк, – вмешался Риган, подходя к нам, – мы уже делились с вами всякими версиями. Беда в том, что это именно версии. Не более того. Мы не знаем, что этим парням нужно. Возможно, это просто похищение, но в таком случае какое-то необычное, ничего похожего нам раньше не встречалось. – Вопросительная мина пропала, уступив место выражению, которое призвано было свидетельствовать о полной откровенности. – Достоверно известно только одно – вас пытались убить. Если нужен только выкуп за ребенка, родителей не убивают.

– Может, они собирались вытянуть деньги из тестя, – предположил я.

– Тогда зачем ждали так долго?

На ЭТОТ вопрос ответа у меня не было.

– А может, – заговорил Тикнер, – никого похищать и не собирались. По крайней мере, не девочка была целью нападения. Украсть ее решили потом. Может, с самого начала метили в вас и вашу жену. А теперь просто решили закончить работу.

– Думаете, это ловушка?

– Весьма вероятно.

– Так что вы советуете?

– Возьмите кого-нибудь с собой на встречу, – ухватился за мои слова Тикнер. – Потяните время, чтобы мы успели подготовиться. Пусть позвонят еще раз.

Я посмотрел на Ленни. Он поймал мой взгляд и решительно заявил:

– Это невозможно.

Тикнер угрюмо воззрился на него:

– При всем уважении к вам, сэр, должен заметить, ваш клиент в серьезной опасности.

– И моя дочь тоже.

Простые слова. Решение дается легко, если облечь его в простые слова.

Я направился к машине.

– Пусть ваши люди держатся на расстоянии.

Глава 5

Пробок на дороге не было, так что добрался я значительно раньше намеченного срока. Я заглушил двигатель и откинулся на спинку. Огляделся. Федералы и местная полиция, наверное, держат меня в поле зрения, но я их не видел. Это хорошо.

«Так, что дальше? Понятия не имею».

Я подождал немного. Покрутил ручку настройки радио, но ни на чем не остановился. Включил магнитолау. Зазвучал дуэт Доналда Фейгана и Стили Дэн «Черная корова». Я слегка вздрогнул. Этой записи я не слышал давно, пожалуй, со студенческих лет. «Зачем она понадобилась Монике?» – подумал я. И тут, ощутив приступ боли, сообразил: последней в машину садилась жена – не исключено, что эта песня оказалась последней в ее жизни.

Я смотрел, как у входа в торговый центр скапливаются покупатели. Больше всего меня занимали молодые матери: как они открывают задние дверцы небольших пикапов; с ловкостью фокусника раскладывают на весу детские коляски; отвязывают от специальных сидений и извлекают из машин детей (это напомнило мне действия База Олдрина на «Аполлоне-11»); привычно запирают при помощи пультов пикапы и, высоко вскинув головы, решительно направляются вперед.

С одной стороны – матери со своими малышами (когда у тебя в распоряжении машина, имеющая пять степеней боковой защиты и кресло, как в космическом корабле, о безопасности можно не беспокоиться), с другой стороны – я с кучей денег и надеждой вернуть дочь. Грань, разделяющая нас, чрезвычайно хрупка. Слишком. Хотелось опустить стекло и крикнуть: «Берегитесь!»

Приближался назначенный час. В переднее стекло било солнце. Я потянулся было за темными очками, но потом передумал. Не знаю уж, что меня остановило. Может, я решил, что похититель, увидев очки, занервничает? Да нет, вряд ли. А впрочем, поди угадай. Пусть очки остаются в кармане. Рисковать не стоит.

Я то и дело поглядывал по сторонам, явно привлекая к себе внимание. Когда рядом останавливалась машина или поблизости кто-нибудь проходил, я мгновенно напрягался.

Скорее бы все это кончилось. Все решится в течение ближайших нескольких минут. В этом я был уверен. Спокойствие. Надо сохранять спокойствие. Из головы не выходили слова Тикнера. А вдруг кто-нибудь просто подойдет к машине и вышибет мне мозги?

А что, вполне вероятно.

Зазвонил телефон. Я вздрогнул и поспешно откликнулся.

Послышался механический голос:

– Трогайся. В сторону западного выезда.

– А где здесь запад? – растерялся я.

– Там, где Четвертая улица. Поезжай по знакам. Там будет эстакада. Ты под контролем. Если за тобой кто-нибудь следует, мы исчезнем. Не выключай телефон.

Я без колебаний повиновался, прижимая телефон к уху правой рукой с такой силой, что кисть побелела, а левой вцепившись в руль, словно собирался сорвать его с колонки.

– Поедешь по Четвертой в западном направлении.

Я повернул направо и выехал на шоссе. Посмотрел в зеркало – не едет ли кто за мной? Трудно сказать.

Вновь зазвучал механический голос:

– Увидишь небольшой торговый ряд.

– Тут миллион небольших торговых рядов.

– Это справа, рядом с детским магазином. Прямо у выезда на Парамус-роуд.

– Ясно. – Я издали увидел его.

– Там остановишься. Слева увидишь дорожку. Повернешь. Как доедешь до конца, глуши двигатель. Деньги держи наготове.

Я сразу понял, почему похититель выбрал именно это место. Туда можно подъехать только одним путем. Все магазины сдаются внаем, за исключением детского. А выезд в дальнем правом конце. Иными словами, и на отшибе, и прямо у шоссе. Незаметно подъехать невозможно.

Надеюсь, федералам это понятно.

Подъехав к магазину с тыла, я увидел стоящего у фургона мужчину. На нем были красная фланелевая рубашка с черными полосами, темные джинсы, солнцезащитные очки и бейсболка. Я всячески пытался отыскать у него хоть какую-то особую примету, но в голову приходило только одно: обыкновенный. Обыкновенный, то есть среднего роста, средней комплекции. Вот разве что нос. Даже издали было видно, что он деформирован, как у бывшего боксера. Но может, это просто маскировка? Как знать. Я присмотрелся к фургону. «Би энд Ти электришнз. Риджвуд, Нью-Джерси». Ни телефона, ни адреса. Номера штата Нью-Джерси. Я запомнил их.

Мужчина прижал мобильник к губам, и я услышал механический голос:

– Иду. Деньги передашь через окно. Из машины не выходи. Ко мне не обращайся. Где найдешь дочь, скажу после, когда окажусь с деньгами в безопасном месте. Позвоню.

Мужчина в красной рубашке и темных джинсах сунул мобильник в карман и направился ко мне. Рубашка была расстегнута. Интересно, он при оружии? Но даже если так, то от меня что зависит? Я нажал на кнопку, но стекло осталось в неподвижности. Зажигание надо включить. Мужчина приближался. Бейсболка была надвинута низко на лоб, почти касаясь очков. Я повернул ключ. Приборная доска осветилась. Я нажал на кнопку. Стекло поползло вниз.

Я вновь попытался найти в мужчине что-нибудь особенное. Шел он, слегка покачиваясь, будто пропустил стаканчик-другой, но выглядел спокойным. Лицо было небрито и покрыто пятнами. Руки грязные. Джинсы на правом колене порваны. Дешевые кроссовки знавали лучшие времена.

Когда мужчина оказался в двух шагах от машины, я высунул руку с сумкой и весь подобрался. Задержал дыхание. Не замедляя шага, мужчина схватил сумку и круто повернул назад. Теперь он шел быстрее. Задняя дверь фургона распахнулась, он вскочил внутрь, дверь мгновенно захлопнулась. Выглядело это так, словно фургон просто проглотил его.

Взревел двигатель, и фургон рванулся с места. Только тут я заметил еще одну дорогу, что-то вроде черного хода. По ней-то фургон и уехал.

Я остался один.

Глава 6

Выхода не было.

Мне хотелось вернуться в коматозное состояние, в каком я был в больнице. Мне хотелось, чтобы меня накачали антибиотиками... Кожа нестерпимо горела. Нервные окончания были обнажены и реагировали на малейшее прикосновение.

Меня охватили чувства страха и беспомощности. Страх не позволял мне выйти из комнаты, а беспомощность – кошмарное осознание того, что я сам во всем виноват и ничем не могу облегчить боль моей девочки, – надела на меня смирительную рубашу и погрузила во тьму. Я чувствовал, что теряю рассудок.

Дни проходили, как в тумане. Почти все время я проводил у телефона, точнее, у нескольких телефонов – у домашнего и двух мобильных (своего и того, что передал похититель, для последнего я купил зарядное устройство, чтобы работал постоянно). Я лежал на диване. Телефоны располагались справа от меня. Я старался не смотреть на них, даже пялился на телевизор, действуя по старой поговорке: «Чайник, с которого не сводишь глаз, никогда не закипает». И все же исподтишка поглядывал на эти чертовы телефоны, опасаясь, как бы они не улетучились, и нетерпеливо ожидая, когда же они наконец зазвонят.

Я вновь и вновь пытался восстановить ту самую неизъяснимую связь отца с дочерью, которая раньше подсказывала мне, что Тара жива. Жилка все еще билась (или, по крайней мере, я заставлял себя верить, что бьется), правда, слабо, нить превратилась в лучшем случае в волосок.

«Это твой единственный шанс...»

Вдобавок, усугубляя чувство вины, прошлой ночью мне явилась во сне женщина, не Моника – старая моя возлюбленная Рейчел. Это был один из тех снов на грани реальности, когда все кажется чужим, неправдоподобным, невозможным даже и все-таки достоверным. Мы с Рейчел были вместе. Мы так и не расстались, хотя и прожили годы врозь. Мне, как и в действительности, тридцать четыре, но ей столько, сколько было, когда она бросила меня. Тара во сне оставалась моей дочерью, и никто ее не похищал, но одновременно она являлась и дочерью Рейчел. Быть может, вам снилось когда-нибудь такое: концы с концами не сходятся, но все равно всему веришь? Когда я проснулся, сон, как это обычно бывает, забылся. Осталось лишь смутное, хотя и удивительно сильное ощущение.

Мать постоянно хлопотала вокруг меня. Вот только что притащила очередной поднос с едой. Я в очередной раз не обратил на него ни малейшего внимания, она в очередной раз произнесла: «Ты должен поддерживать силы ради Тары».

– Да, мама, ты права, сила – это главное. Сейчас я сделаю сто отжиманий, и Тара вернется.

Мама только покачала головой. Конечно, с моей стороны было жестоко так говорить. Ей ведь тоже больно. Исчезла внучка, сын в ужасном состоянии. Она вздохнула и направилась на кухню. Я не извинился, лишь посмотрел ей вслед.

Часто навевались Риган с Тикнером. Ей-богу, при виде их вспоминаешь Шекспира с его шумом и яростью, которые ничего не означают. Детектив и фэбээровец рассказывали о чудесах техники, задействованных в поисках Тары (тут тебе и дезоксирибонуклеиновые кислоты, и скрытые камеры слежения новейшего образца, установленные в аэропортах, на железнодорожных вокзалах и транзитных пунктах). Они неустанно повторяли полицейские клише «во все углы заглянем», «иголку в стогу сена отыщем»... Я только кивал. Они заставили меня изучить фотографии разыскиваемых преступников, но моего оборванца среди них я не обнаружил.

– Мы проверили «Би энд Ти электришнз», – сообщил Риган в первый же день. – Такая компания существует, в качестве опознавательного знака используется магнитная пластинка, ее легко отлепить от автомобиля. Пару месяцев назад кто-то украл такую штуковину, но компания сочла это мелочью и заявлять о краже не стала.

– А номера?

– Таких номеров нет.

– Как это?

– Старыми воспользовались, – пояснил Риган. – Это совсем нетрудно. Отрезается левая часть от одного номера, правая – от другого, части свариваются, вот вам и новый номер.

Я тупо посмотрел на него.

– Однако есть и нечто обнадеживающее, – порадовал Риган.

– Вот как?

– Мы явно имеем дело с профессионалами. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что, если вы свяжетесь с нами, мы наводним своими людьми весь торговый центр. Они отыскали такое место, куда незаметно не проникнешь. Далее, они направили нас по ложному следу – заставили заниматься украденным логотипом, поддельными номерами. В общем, повторяю, профессионалы.

– И это обнадеживает, потому что...

– Как правило, профессионалы крови не жаждут.

– А чего жаждут?

– По нашему предположению, они ждут, пока вы созреете, чтобы потребовать еще денег.

Дозрею. Похоже, замысел осуществляется. Я дозреваю.

Вскоре после провала операции с выкупом позвонил тесть. В голосе слышалось разочарование. Не хочу осуждать Эдгара – в конце концов, именно он дал деньги и намекнул, что готов дать еще. Разочарован он был прежде всего мной, тем, что вопреки его совету я обратился в полицию.

В этом он, конечно, был прав. Это я во всем виноват.

Часто приходил Ленни. Он избегал моего взгляда, потому что винил себя за совет выложить все полиции.

Я пытался принять участие в расследовании, но полиция не поощряла моих усилий. Только в кино власти делятся информацией с жертвой. Естественно, я заваливал Ригана и Тикнера вопросами. Они не отвечали. Они никогда не обсуждали со мной подробностей. К моим расспросам относились едва ли не с презрением. Допустим, мне хотелось побольше узнать о том, как обнаружили тело жены, почему ее нашли нагой. Они отмалчивались.

Судя по выражению их лиц, Риган и Тикнер постоянно переходили от чувства вины за то, что все так плохо кончилось, к подозрению, что, возможно, именно я, несчастный муж и отец, стою за этим делом. Им хотелось побольше разузнать о моем непрочном браке с Моникой. И о пропавшем револьвере. В общем, все, как говорил Ленни. Чем дальше, тем больше власти сосредотачивались на единственном имеющемся в их распоряжении подозреваемом.

Вашем покорном слуге.

По прошествии недели присутствие полиции и ФБР ощущалось меньше: Тикнер и Риган появлялись уже не каждый день, а придя, часто посматривали на часы или, извинившись, звонили по другим делам. Понять их было нетрудно. Никаких новых следов у них не было. Жизнь входила в свою колею. И что-то во мне даже радовалось этому.

Но на девятый день все изменилось.

В тот вечер я был один. Я люблю родных и друзей, но иногда мне нужно побыть наедине с собой. Все ушли до ужина. Я заказал еду в ближайшем ресторане и, получив оную, согласно маминой инструкции поел, чтобы набраться сил. Потом отправился спать.

Я посмотрел на будильник, стоявший на тумбочке у изголовья кровати. Потому и запомнил время – двадцать два часа восемнадцать минут. Рассеянно посмотрел в окно и едва не пропустил нечто необычное – во всяком случае, сознание его не отметило, но взгляд зафиксировал. Я пригляделся повнимательнее.

На дорожке, застыв, как статуя, не сводя глаз с моего дома, стояла женщина. (То есть мне показалось, будто она не сводит глаз. Утверждать с уверенностью не возьмусь.) Насколько я понял, у нее были длинные волосы.

Я колебался, не зная, что предпринять. О моем деле до сих пор говорили в новостных передачах. Репортеры болтались около дома круглыми сутками. Я оглядел улицу. Ни машин, ни телевизионных фургонов. Она пришла пешком. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Я живу в пригороде. Люди здесь всегда гуляют, кто с собакой, кто с супругой или супругом, иногда и то и другое. Одинокая женщина – тоже не сенсация.

Только вот зачем она здесь остановилась?

«Любопытство явно нездоровое», – решил я.

Женщина показалась мне высокой. По спине пробежал неприятный холодок. Я схватил рубаху и натянул прямо на пижаму. Затем – тренировочные брюки. Снова глянул в окно. Женщина, похоже, напряглась.

Она заметила меня.

Не успел я моргнуть, как она поспешно зашагала прочь. Я почувствовал стеснение в груди. Попробовал открыть окно. Заело. Я дернул за ручку. Рама подалась, и я выглянул в образовавшуюся щель.

– Стойте!

Женщина ускорила шаг.

– Подождите же!

Она перешла на бег. Я отпрянул от окна. Где шлепанцы, я понятия не имел, а туфли надевать не было времени. Я выбежал из дома. Трава щекотала подошвы. Я помчался в направлении, куда она ушла. Но тщетно – я потерял ее.

Вернувшись домой, я позвонил Ригану и рассказал ему о случившемся. Звучал мой рассказ довольно глупо, я сам это почувствовал. Перед домом стоит женщина. Великое дело! На Ригана это тоже не произвело впечатления. Решив в конце концов, что все это ерунда, просто какая-то любопытная соседка, я залез под одеяло, выключил телевизор и закрыл глаза.

Но ночь еще не окончилась.

В четыре утра зазвонил телефон. Пребывал я в состоянии, которое квалифицирую как сон. Но вообще-то по-настоящему я теперь не сплю – так, дремлю. Ночи и дни тянутся, как резина. Одно отделено от другого тончайшим занавесом. Ночью удается отдохнуть телу, но мозг неумолимо работает.

Лежа с закрытыми глазами, я в который раз прокручивал утро, когда в меня стреляли: может, удастся что-то новенькое вспомнить. Начал с того места, где находился в данный момент, – со спальни. Помнится, зазвонил будильник. Мы с Ленни собирались поиграть в ракетбол. Пристрастились мы к нему примерно год назад и тренировались каждую среду; в результате наш уровень вырос с «жалкого» до «почти приемлемого». Моника уже проснулась и принимала душ. В одиннадцать мне предстояла операция. Я встал и прошел в детскую посмотреть на Тару. Затем вернулся в спальню. Моника вышла из душа и принялась натягивать джинсы. Все еще в пижаме, я прошагал на кухню, открыл шкафчик справа от холодильника «Вестингаус», поколебался, какое овсяное печенье взять – с малиной или черникой, остановился на первом (все это я недавно рассказывал Ригану, словно подобные мелочи имеют какое-то значение) и наклонился над раковиной.

Бам! – и все. Следующая сцена – в больнице.

Телефон зазвонил вновь. Я открыл глаза.

Рука нащупала трубку.

– Да.

– Это Риган. Со мной агент Тикнер. Мы будем у вас через две минуты.

– А что случилось? – Я даже поперхнулся.

– Через две минуты.

Он повесил трубку.

Я встал с кровати и выглянул в окно, быть может, надеясь увидеть опять ту женщину. Джинсы с вечера валялись на полу. Я сперва натянул их, затем (через голову) рубаху и двинулся вниз по лестнице. Я открыл входную дверь и прищурился. Из-за угла показалась полицейская машина. За рулем сидел Риган. Рядом с ним – Тикнер. По-моему, я впервые видел их в одной машине.

Я был уверен, что ничего хорошего меня не ожидает.

Мужчины вышли из машины. Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота. К этому визиту я готовился с тех пор, как отдал похитителю выкуп и не получил дочь. Я даже прокручивал в уме, как все это произойдет: они оглоушат меня сообщением, я кивну, скажу «спасибо» и, извинившись, пройду к себе. Я репетировал. Я тренировался. И теперь был готов к любому варианту развития событий.

Но по мере того, как Риган и Тикнер приближались ко мне, мои защитные сооружения обращались в прах. Меня охватила паника. Меня забила крупная дрожь. Я едва удерживался на ногах. Колени подогнулись, я оперся о дверной косяк. Мужчины шагали плечом к плечу. Мне вспомнился один военный фильм, эпизод, в котором офицеры со скорбными лицами приходят к матери погибшего товарища. Я затряс головой, стараясь прогнать навязчивый кадр.

Мужчины вошли в дом.

– У нас тут есть для вас кое-что, – сказал Риган.

Он включил свет, но лампа горела слишком тускло. Тикнер подошел к дивану и открыл ноутбук. Экран замерцал.

– У нас появился след, – объявил Риган.

Я подошел к нему.

– Помните, ваш тесть передал нам перечень номеров банкнот, которые пошли на выкуп?

– Помню.

– Одна банкнота вчера во второй половине дня всплыла в банке. Тикнер сейчас покажет ее вам.

– Каким образом?

– Мы встроили в его ноутбук видеокамеру. Двенадцать часов назад кто-то менял сто-долларовую бумажку на мелкие купюры. Надо, чтобы вы посмотрели.

Я сел рядом с Тикнером. Он надавил на кнопку. Я ожидал черно-белое изображение неважного качества. Ничуть не бывало. Съемка велась откуда-то сверху, в почти безупречном цвете. Лысый мужчина разговаривает с кассиром. Звук нет.

– Я не знаю его, – сказал я.

– Терпение.

Лысый что-то сказал кассиру. Похоже, оба добродушно рассмеялись. Лысый взял полоску бумаги и на прощание помахал кассиру. Тот ответил коротким взмахом руки. От очереди отделился следующий клиент. И тут я услышал собственный сдавленный стон.

Это была моя сестра Стейси.

Тут-то пришло желанное оцепенение. Желанное потому, что я испытал два абсолютно противоположных чувства. Одно – страх. Выходит, это дело рук моей собственной сестры. Моей родной сестры, которую я любил от всего сердца и которая меня предала. А другое

– надежда. Теперь появилась надежда. Есть след. И если здесь действительно замешана Стейси, то ничего дурного Таре она не сделает, в этом я был уверен.

– Это ваша сестра? – Риган прицелился указательным пальцем в экран.

– Да. – Я посмотрел на него. – Где это снимали?

– В Катскиллских горах. Городок называется...

– Монтегю.

– Откуда вы знаете? – Риган переглянулся с Тикнером.

Но я уже направился к двери.

– Я знаю, где она.

Глава 7

Мой дед был заядлым охотником. Меня всегда это удивляло: такой мягкий, незлобивый человек. Однако он никогда не говорил о своем увлечении. Не держал над камином голову убитого оленя. Не хранил фотографий, свидетельствующих об охотничьих подвигах, не коллекционировал оленьих рогов и тому подобных сувениров. Он никогда не охотился с друзьями или родственниками. Охота для деда была индивидуальным предприятием, он не обсуждал его, не защищал и не делил ни с кем.

В 1956 году дедушка купил небольшой дом в охотничьих угодьях неподалеку от Нью-Йорка, в местечке под названием Монтегю. Стоил домик (во всяком случае, мне так сказали) меньше трех тысяч долларов (сегодня, наверное, и того меньше). В домике была всего одна спальня. Сооружение умудрялось сохранять деревенский вид, будучи совершенно лишенным очарования, которое свойственно данному типу архитектуры. Избушку было почти невозможно отыскать – глинистая дорога обрывалась в двухстах ярдах от нее. Дальше приходилось брести пешком, то и дело спотыкаясь о корневища деревьев.

Дед умер четыре года назад, домик перешел к бабушке (по крайней мере, я так думаю. А вообще-то, это мало кого занимает). Дед с бабкой перебрались во Флориду почти десять лет назад. У бабушки с тех пор развилась болезнь Альцгеймера. Судя по всему, старая хибара – бабушкина собственность. В плане налогов и иных расходов, связанных с содержанием домика, думаю, все сроки давно уже вышли.

Детьми мы с сестрой ежегодно проводили в этом домике неделю с дедом и бабкой. Я не находил в этом никакого удовольствия. Природа была в моих глазах чистой тоской, которую скрашивали лишь налеты комаров. Здесь даже телевизора не было. Мы отправлялись в постель слишком рано. И вокруг было слишком темно. А в дневное время мирную тишину слишком часто нарушали звуки выстрелов. Обычно время мы проводили в прогулках (занятие, навевающее на меня скуку и доньине). Однажды мать дала мне одежду цвета хаки, и целых два дня я боялся, что кто-нибудь из охотников примет меня за оленя.

А Стейси там очень нравилось. Даже совсем еще маленькой она обожала избавляться от столь характерной для пригорода мешанины школьных и внешкольных мероприятий, спорта, пикников и так далее. Она готова была часами бродить по лесу, срывать листья с деревьев, копать и пускать в банку червей. С полным восторгом бегала босиком по ковру из сосновых иголок.

Я рассказал Ригану и Тикнеру про домик в горах. Тикнер связался по радио с полицией Монтегю. Как найти хижину, я помню, но объяснить затрудняюсь. Тем не менее, я постарался. Риган изо всех сил жал на акселератор. В половине пятого утра дорога была совершенно пустынна, и включать сирену не требовалось. Через некоторое время мы миновали парк отдыха в Вудбери.

Замелькали деревья. Теперь мы были недалеко. Я сказал Ригану, где сворачивать. Машина то ныряла, то взмывала вверх по дороге, которая за последние три десятилетия не изменилась ни на йоту.

Через пятнадцать минут мы были на месте.

* * *

Стейси.

Особой привлекательностью моя сестра не отличалась никогда. Наверное, это многое объясняет. Да, звучит как абсурд... Действительно, глупо. И все же выставляю эту версию на

ваше рассмотрение. Стейси не приглашали на свидания. Ей никогда не звонили мальчишки. У нее почти не было друзей. Конечно, подростков с такими проблемами полно. Отрочество – это всегда война, никто не выходит из него в целостности и сохранности. Естественно, тяжелым бременем на всех нас легла и болезнь отца. Но это еще не объяснение.

В конце концов, перебрав все варианты наших житейских обстоятельств, еще и еще раз пройдясь по болезненным переживаниям ее детства, я решил, что причины бед моей сестры коренятся глубже. Что-то с мозгом у нее не в порядке, я имею в виду – химически. В одном месте поток молекул слишком интенсивный, в другом – слишком медленный. Мы слишком поздно разглядели опасные симптомы. Стейси впадала в депрессию во времена, когда это состояние ошибочно принимали за обыкновенную замкнутость. А может, я просто пытаюсь оправдать свое равнодушие. Стейси всегда оставалась для меня лишь младшей сестрой с большими странностями. Но я, извините, сам имел проблемы. Я был, если так можно сказать, подростком-эгоистом.

Но все это уже неважно. Физиология служила причиной ее бед, психология или и то, и другое, но самоубийственное путешествие Стейси подошло к концу.

Сестренка была мертва.

Мы обнаружили ее на полу, в позе зародыша. Вот так, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди и опустив подбородок, она спала в детстве. Но сейчас, хоть и не было заметно никаких следов смерти, я видел, что она не спит. Я наклонился. Глаза у Стейси были открыты. Она смотрела прямо на меня – немигающим, вопросительным взглядом. И вид у нее был совершенно потерянный. Так не должно было случиться. Смерть должна была даровать ей одиночество. Смерть должна была принести ей покой, которого она не могла найти в жизни. «Так отчего, – спрашивал я себя, – Стейси выглядит такой безнадежно потерянной?»

Рядом с ней валялся шприц для подкожных инъекций – спутник Стейси по смерти, точно так же, как и по жизни. Ну, естественно, наркотики. Нарочно перебрала или случайно, я пока не знал. Да и времени не было задуматься. Полицейские принялись осматривать помещение. Я с трудом отвел глаза от Стейси.

Тара.

Внутри домика царил полный разгром. Похоже, похозяничали еноты. Кушетка, на которой любил дремать, скрестив на груди руки, дед, была разодрана в клочья. Набивка валялась на полу. Пружины обнажились и, казалось, только и выбирали, в кого бы вонзиться. Пахло мочой и дохлятиной.

Я застыл, надеясь услышать детский крик. Но было тихо. Я проскользнул мимо полицейских в спальню и включил фонарь. Луч рассек темноту, словно сабля. Я обежал глазами комнату. И когда увидел, едва не закричал.

Детский манеж.

Это была усовершенствованная модель – с сеточными боками, которые легко складываются, что позволяет переносить манеж с места на место. Такой мы с Моникой и купили для Тары. Как, впрочем, и любая супружеская пара, где есть новорожденный. К металлической планке был привязан ярлык. Новая, стало быть, вещь.

На глазах у меня выступили слезы. Луч уткнулся в манеж, описал круг. Пусто, кажется. Сердце у меня упало. Тем не менее, на всякий случай я посветил еще – а вдруг это оптический обман, а вдруг Тара так съежилась, так сладко уснула, что сразу не разглядишь?

Но в манеже было только одеяло.

В комнате прошелестел мягкий голос – голос из туманного, неотвратимого кошмара:

– О Боже.

Я круто повернулся в сторону, откуда донесся звук. Голос повторился, на сей раз едва слышно.

– Здесь, – сказал полицейский из шкафа.

Тикнер и Риган мгновенно оказались в спальне. Оба дружно заглянули в шкаф. Даже при тусклом свете фонаря было видно, как у них разом схлынула краска с лица.

Колени у меня подогнулись. На заплетающихся ногах я с трудом добрался до шкафа и лишь в последний момент, чтобы не упасть, ухватился за ручку. И тут я увидел. И, глядя на потертую ткань, я почувствовал, что внутренности у меня самым натуральным образом переворачиваются, загораются и становятся пеплом.

На днище шкафа, разодранный на куски, лежал детский комбинезон, розовый с черными пингвинами.

* * *

Восемнадцать месяцев спустя

Заглянув в кафе «Старбук», Лидия заметила вдову. Та в одиночестве сидела на стуле с высокой спинкой и рассеянно поглядывала на пешеходов, тонким ручейком протекавших по улице. Столик был у окна, дымок от кофе кругами поднимался над чашкой. Лидия на мгновение задержала на чашке взгляд. Все свидетельствовало о беде – печальный взор, поникшие плечи, некрашенные волосы, дрожащие руки.

Лидия заказала большую чашку кофе со взбитыми сливками и порцию эспрессо вдобавок. Баристо – тощий как жердь, затянутый в черное, с козлиной бородкой официант – налил эспрессо «за счет заведения». Мужчины, даже такие юные, как Баристо, всегда были рады услужить Лидии. Она приподняла солнечные очки и поблагодарила официанта. Тот едва не описался от радости. Ох уж эти мужчины.

Лидия направилась к столику с закусками, ощущая спиной его взгляд. К этому она тоже привыкла. Хотя в кафе почти никого не было, Лидия устроилась по соседству с вдовой. Почувствовав ее присутствие, вдова словно очнулась.

– Уэнди! – окликнула Лидия.

Вдова повернула голову на звук мягкого голоса.

– От души сочувствую вашей утрате, – сказала Лидия и улыбнулась. Улыбка у нее была (и она это знала) приятная. Маленькую, ладную фигурку Лидии плотно облегал сшитый на заказ серый костюм. Юбка, пожалуй, коротковата. Вид соблазнительный и одновременно деловой. Глаза с влажноватым блеском, нос маленький и немного вздернутый. Волосы в завитках.

Уэнди Барнет все смотрела и смотрела на нее, словно не узнавала. Лидия часто ловила на себе такие взгляды – дескать где это я вас видела? – хотя на телеэкране в последний раз появилась, когда ей исполнилось тринадцать лет. Иные даже говорили: «Эй, знаете, на кого вы похожи?» Но Лидия (в те далекие времена ее называли Ларисой Дейн) только отмахивалась.

Уэнди Барнет не могла оправиться после ужасной смерти любимого. Ей требовалось время, чтобы отметить и осознать появление незнакомки. А может, она раздумывала, не сделать ли вид, что они когда-то встречались.

Так и не выбрав линию поведения, Уэнди Барнет остановилась на нейтральном «спасибо».

– Бедняга Джимми, – сказала Лидия. – Какая ужасная смерть.

Уэнди потянулась к бумажному стакану и сделала большой глоток. Лидия отметила, что Уэнди пьет жидкий кофе с соевым молоком. Она чуть-чуть придвинулась к вдове.

– Похоже, вы меня не узнаете?

– Боюсь, что так, – словно извиняясь, улыбнулась Уэнди.

– Да и откуда! Не думаю, что нам доводилось встречаться.

Уэнди ждала, что Лидия представится, но так и не дождалась.

– Стало быть, вы были знакомы с моим мужем?

– О да.

– Вы тоже заняты в страховом деле?

– Да нет, не сказала бы.

Уэнди нахмурилась. Лидия приложилась к кофе. Повисло неловкое молчание. Вернее, Уэнди ощущала неловкость, а Лидия вела себя, как ни в чем не бывало. Уэнди поднялась и направилась к выходу.

– Что ж, приятно было познакомиться.

– Я... – начала Лидия и запнулась, ожидая, когда Уэнди к ней повернется. – Я была последней, кто видел Джимми живым.

Уэнди застыла на месте. Лидия сделала еще глоток и прикрыла глаза.

– Отличный кофе. Крепкий. Хорошо здесь варят, правда?

– Вы сказали...

– Присядьте-ка, я все сейчас объясню. – Лидия небрежно указала на стул.

Уэнди обернулась на официантов. Они энергично жестикулировали, громко жалуясь на несправедливость большого мира, лишаящего их радостей жизни. Уэнди вновь опустилась на стул. Некоторое время Лидия молча смотрела на нее. Уэнди старательно выдерживала ее взгляд.

– Видите ли, – Лидия безмятежно улыбнулась и слегка склонила голову набок, – это я убила вашего мужа.

Уэнди побледнела.

– Не смешно.

– Совсем не смешно, совершенно с вами согласна. Но видите ли, я и не собираюсь шутить. А впрочем, если желаете... Я получаю по электронной почте разные шутки-прибаутки, знаете, есть такая подписка? Чаще всего – полный бред, но иногда такое завернут...

– Да кто вы такая, черт побери? – едва выговорила Уэнди.

– Успокойтесь, Уэнди.

– Я желаю знать...

– Ш-ш-ш. – Лидия с преувеличенной осторожностью приложила палец к губам Уэнди. – Сейчас все растолкую.

Чувствуя, как дрожат у Уэнди губы, Лидия не сразу убрала пальцы.

– Вы растеряны. Отлично вас понимаю. Позвольте кое-что пояснить. Прежде всего – да, именно я всадила Джимми пулю в лоб. Но начал Хеши. – Лидия указала через окно на огромного мужчину со скошенной челюстью. – Рискну даже предположить, что, убив Джимми, я оказала ему услугу.

Уэнди молча смотрела на нее.

– Вы хотите понять, в чем состояла услуга, не так ли? Конечно, хотите. Думаю, в глубине души вы и сами все понимаете. Мы ведь с вами в одном мире живем, правда, Уэнди? Мы знаем наших мужчин.

Уэнди промолчала.

– Вы меня понимаете?

– Нет.

– Да бросьте вы, отлично понимаете. И все же я скажу. Джимми, муж, столь безвременно покинувший вас, задолжал много денег нехорошим людям. На сегодня сумма долга составляет почти двести тысяч долларов. – Лидия улыбнулась. – Уэнди, вы ведь не станете прикидываться, будто ничего не знаете о карточных проблемах мужа?

– Не понимаю... – с трудом вымолвила Уэнди.

– Надеюсь, пол мой вас не смущает?

– Что-что?

– Право, с вашей стороны это был бы предрассудок. Мы ведь живем в двадцать первом веке. Женщины сами делают свой выбор.

– Вы... вы... – Уэнди запнулась. – Вы убили моего мужа?

– Вы телевизор часто смотрите, Уэнди?

– Что?

– Телевизор. Если кто-нибудь, вроде вашего мужа, оказывается в долгу перед кем-нибудь, вроде меня, как это на экране выглядит?

Лидия замолчала, словно и впрямь ждала ответа.

– Не знаю, – пролепетала Уэнди.

– Еще как знаете, ну да ладно, отвечу за вас. Этому кому-то вроде меня – хорошо, пусть это будет мужчина – поручают припугнуть человека вроде вашего мужа. Далее мой подручный Хеши – видите его? – бьет его, может, даже ноги ломает – словом, что-нибудь в этом роде. Но не до смерти. Таково правило на телевидении: «С мертвеца долга не взыщешь». Вам ведь приходилось слышать подобное, верно, Уэнди?

Лидия вновь выжидательно замолчала.

– Допустим, – проговорила наконец Уэнди.

– Только, видите ли, все это не так. Возьмем для примера Джимми. У вашего мужа была болезнь. Карты. Верно? На них все ушло, так? Страховая компания принадлежала вашему отцу. Джимми отнял ее. И теперь ее нет. Как корова языком слизнула. Банк готов был наложить арест на ваш дом. У вас с детьми едва на хлеб хватало. А Джимми все не мог остановиться. – Лидия покачала головой. – Мужчины... Вы меня понимаете?

У Уэнди слезы навернулись на глаза. Голос, когда она смогла наконец заговорить, звучал еле слышно:

– Так это вы убили его?

– Боюсь, мне никак не удастся объяснить вам, что к чему. – Лидия грустно покачала головой и потупила взгляд. – Вам приходилось слышать когда-нибудь такое выражение: «Холодный, как лед»?

И снова замолчала в ожидании ответа. Уэнди кивнула. Довольная Лидия, продолжила:

– Ну так вот, это и есть наш с вами случай. Я хочу сказать – именно таков Джимми. Я могла бы велеть Хеши обработать его – в подобных делах Хеши толк знает, – ну и что с того? У Джимми не было денег. А уж такой суммы и подавно. – Лидия выпрямилась и положила руки на стол. – А теперь, Уэнди, я хочу, чтобы вы подошли к этому делу практически, то есть не как женщина, а как бизнесмен. Совершенно не обязательно быть отчаянной феминисткой, но на равных с мужчинами выступать надо.

Лидия вновь улыбнулась. Уэнди съежилась.

– Ну а коли так, что мне – умному деловому человеку – прикажете делать? Естественно, я не могу оставить долг неоплаченным. Для меня, как профессионала, это означает самоубийство. Если кто-то задолжал моему работодателю, следует платить. Двух мнений быть не может. В данном случае проблема заключается в том, что у Джимми за душой нет и цента. – Лидия замолчала и улыбнулась шире. – Но зато у него есть жена и трое детей. И еще он занимался страхованием. Догадываетесь, к чему я клоню, Уэнди?

Вдова затаила дыхание.

– Полагаю, догадываетесь. Страховка. Чтобы быть совсем точной, страхование жизни. У Джимми был полис. Сразу он в этом не признался, но в конце концов пришлось. Хеши, надо отдать ему должное, умеет убеждать людей. – Уэнди скосила взгляд на окно и вздрогнула. Лидия заметила это и подавила улыбку. – В общем, выяснилось, что у Джимми целых два полиса на общую сумму почти в миллион долларов.

– И вы убили его, чтобы завладеть страховой суммой?

Лидия щелкнула пальцами:

– Наконец-то, подруга.

Уэнди открыла рот, но ничего и не сказала.

– Что дальше, Уэнди? Позвольте мне быть до конца откровенной. Долги Джимми вместе с ним не ушли. Мы обе это понимаем. Банк по-прежнему требует оплатить кредит. И процент растет. – Лидия пожалала узкими плечами и подняла руки ладонями кверху. – Так почему же мой работодатель должен действовать иначе?

– Вы что, всерьез?

– Первый чек по страховке вы должны получить примерно через неделю. К тому времени долг вашего мужа составит 280 тысяч долларов. Именно эту сумму я и рассчитываю получить в тот же день.

– Но одни лишь расписки, которые остались после него...

– Ш-ш-ш. – Лидия вновь прижала палец к губам Уэнди. Голос понизился до доверительного шепота. – Честно говоря, меня это не интересует. Я только что дала вам редкую возможность выбраться из ямы. Если надо, объявите себя банкротом. Вы живете в шикарном районе. Смените его. Пусть Джек... ведь так зовут вашего старшего?

Услышав имя тринадцатилетнего сына, Уэнди подскочила на месте.

– Пусть Джек в этом году не ездит в летний лагерь. Пусть работает после уроков. Или что еще. Все это не мое дело. А вы, Уэнди, заплатите, сколько следует, и на том покончим. Вы никогда меня больше не увидите. И не услышите обо мне. Ну а если откажетесь... Посмотрите-ка получше на Хеши. – Она замолкла, давая Уэнди возможность последовать ее совету.

Взгляд за окно произвел на вдову должный эффект.

– Сначала мы убьем Джека. Затем, через два дня, Лилу. Если о нашей встрече и этом разговоре узнает полиция, мы убьем Джека, Лилу и Дарлин. Всех троих в порядке убывания возраста. А потом, когда вы похороните детей – слушайте внимательно, Уэнди, ибо в этом заключается изюминка дела, – я все равно заставлю вас заплатить.

Уэнди остолбенела.

Лидия сделала большой глоток крепкого кофе и удовлетворенно вздохнула.

– Чу-удесно, – протянула она, поднимаясь со стула. – Славно потолковали, а, Уэнди? Надо бы снова увидеться, да не откладывая. Как насчет пятницы, шестнадцатого?

Уэнди опустила голову.

– Вы меня поняли?

– Да.

– Ну и что собираетесь делать?

– Собираюсь вернуть долг.

– Еще раз примите мои самые искренние соболезнования.

Лидия подарила ей ослепительную улыбку и направилась к выходу. Оказавшись на улице, она глубоко вздохнула и оглянулась. Уэнди Барнет неподвижно сидела за столиком. Лидия сделала ей ручкой на прощание и зашагала к Хеши. Росту в нем было почти шесть с половиной футов. В ней – пять футов один дюйм. Он весил 275 фунтов. Она – 105. Его голова походила на искривленную тыкву. Она напоминала восточную статуэтку из дорогого фарфора.

– Проблемы? – осведомился Хеши.

– С чего бы это? – отмахнулась Лидия. – Вперед, за более крупной дичью. Нашел клиента?

– Да.

– Пакет с ним?

– Естественно.

– Отлично. – Лидия вдруг почувствовала резь в желудке и сморщилась.

– Что-нибудь не так? – обеспокоился Хеши.

- Да нет, просто какое-то странное ощущение.
 - Может, отложим?
 - Ни в коем случае, Медвежонок! – улыбнулась Лидия.
 - Итак?
- Она ненадолго задумалась.
- Итак, посмотрим на доктора Сайдмана.

Глава 8

– Довольно с тебя яблочного сока, – заявила Черил двухлетнему сынишке Коннеру.

Скрестив на груди руки, я стоял за боковой линией футбольного поля. В Нью-Джерси было по-осеннему влажно и холодно, так что поверх бейсболки я натянул еще и капюшон спортивного свитера. На носу у меня сидели солнцезащитные очки. Очки и капюшон – прямо персонаж комикса про полицейских.

Мы пришли на матч восьмилетних футболистов. Ленни был старшим тренером. Ему потребовался помощник, вот он меня и ангажировал по той, скорее всего, причине, что я оказался единственным, кто разбирается в футболе еще меньше, чем он. Тем не менее, наши побеждали. Счет, по-моему, был 83:2, хотя, возможно, я и ошибаюсь.

– А почему мне нельзя больше сока? – заканючил Коннер.

– Потому, – с материнским терпением объяснила Черил. – От него у тебя понос.

– Правда?

– Правда.

Ленни, стоявший справа от меня, без усталости подбадривал ребят:

– Здорово, Рийки, ты лучше всех! Пийти, вперед! Дэйви, не суетись!

К любому имени он добавлял «й». Честно говоря, это раздражало. Однажды, придя в особенное возбуждение, он назвал меня «Марки!» Слава Богу, только однажды.

– Дядя Марк!

Я почувствовал, что кто-то дергает меня за брючину, и, посмотрев вниз, увидел Коннера.

– Да, приятель?

– От яблочного сока у меня бывает понос.

– Буду знать.

– Дядя Марк!

– Да?

– Понос мне не друг. – Коннер бросил на меня самый угрюмый из своих взглядов.

Я посмотрел на Черил. Она подавила улыбку, но и участие в ее взгляде тоже мелькнуло. Я перевел взгляд на Коннера.

– Хорошо сказано, малыш.

Он кивнул, явно довольный моим ответом. Я люблю его. Он разбивает мне сердце и доставляет радость – одновременно и в равной мере. Два года и два месяца от роду. На два месяца старше Тары. Я следил за его ростом с благоговением и страстью, от которой костер зажечь можно.

Коннер повернулся к матери. Рядом с Черил валялась всякая всячина (мамаши привыкли нагружать себя, как мулы). Коробки с соком. Плитки шоколада. Сухие (в противоположность «мокрым», что ли?) памперсы, пропитанные экстрактом алоэ, хорошо воздействующим на разборчивые детские попки. Изогнутые детские бутылки от Ивенфло. Корица. Тщательно очищенная морковь. Поделенные на дольки апельсины. Виноград без косточек. Наконец, кучки чего-то очень похожего на сыр, тщательно сложенные в целлофановый пакет.

Ленни – старший тренер – тем временем давал стратегические указания игрокам. Если команда нападала, он орал: «Забивай!» Если защищалась, рекомендовал идти на перехват. И периодически, как, например, сейчас, демонстрировал глубокое понимание сути игры:

– Бей по мячу!

Выкрикнув эти слова в четвертый раз, Ленни посмотрел на меня. Я поднял большой палец, поощрительно кивнул и, прищурившись, посмотрел на поле. Ребята были одеты как настоящие профессионалы. На ногах – бутсы с шипами. Под носками – щитки. У большин-

ства – на скулах слой темного жира, хотя на солнце и намек нет. А у двоих даже нашлепки на переносицах. Я смотрел, как Кевин, мой крестник, пытается, следуя инструкциям отца, ударить по мячу. И тут меня словно обухом по голове ударило.

Я пошатнулся.

Так бывает. Можно смотреть за игрой, или ужинать с друзьями, или разговаривать с пациентом, или слушать музыку по радио. Словом, заниматься чем-то совершенно заурядным, чувствуя себя вполне прилично, и вдруг – бах!

Глаза наполнились слезами. До убийства жены и похищения ребенка такого со мной не случалось. Я врач. Я умею сохранять спокойствие и на работе, и дома. Но теперь, словно какая-нибудь кинозвезда, которую все узнают, я постоянно ношу солнцезащитные очки. Черил посмотрела на меня, и я вновь уловил в ее взгляде участие. Я выпрямился и попытался улыбнуться. Черил расцвела после родов. Такое бывает. Материнство идет некоторым женщинам. Оно придает их внешности какую-то тайну, какой-то свет – едва ли не небесный.

Не хотел бы, чтобы у вас создалось впечатление, будто я целыми днями только и рыдаю. Я по-прежнему живу своей жизнью. Да, конечно, я чувствую себя обездоленным, но не сутки же напролет. Я не прикован к постели. Я работаю, хотя в заокеанское путешествие отправиться не решаюсь. Я все еще считаю, что мне следует находиться дома, на случай нового поворота событий. Знаю, смысла в этом большого нет, скорее всего, самообман. Я просто пока не готов смириться.

Что меня достает, что оглушает вот так, как сейчас, – подлость беды: похоже, она находит удовольствие в том, чтобы застать тебя врасплох. Если заметить вовремя, беду можно пусть не укротить, но как-то смягчить, приручить. Но она любит прятаться, ей нравится выскакивать из-за угла, пугать, издеваться, не давая делать вид, будто все в порядке. Беда убаюкивает вас своим промедлением и таким образом усиливает неотвратимый удар.

– Дядя Марк! – Опять Коннер.

Для парнишки его возраста он говорил совсем неплохо. «А как бы звучал Тарин голос?» – подумал вдруг я и зажмурился под черными очками. Словно расслышав мою мысль, Черил потянула от меня сына. Я остановил ее.

– Да, приятель?

– А какашки?

– Что какашки?

Он поднял голову и задумчиво прищурился:

– Какашки – друзья?

Ничего себе вопросец!

– Не знаю, приятель. А сам-то ты как думаешь?

Коннер так глубоко задумался над им же поднятой проблемой, что, казалось, вот-вот лопнет от напряжения.

– Во всяком случае, больше друзья, чем понос, – заявил наконец он.

Я глубокомысленно кивнул в знак согласия. Наши забили еще один гол.

– Штука! – Ленни потряс кулаками и чуть не колесом выкатился на поле, чтобы поздравить автора гола, Крэга (или правильнее сказать «Крэйги»?). За ним последовали игроки. Образовалась приличная куча-мала. Я оставался в стороне. Задача моя, полагаю, заключалась в том, чтобы играть роль тени старшего тренера.

Я посмотрел на родителей, выстроившихся вдоль бровки. Матери сбились в кучу. Они без умолку болтали о своих детях, их выдающихся успехах в школе и спорте, и никто никого не слушал, потому что жизнь чужих детей – материя скучная. Отцы предлагали несколько более разнообразное зрелище. Одни снимали чад на видео. Другие шумно болели. Третьи не отрывались от мобильных, явно наслаждаясь возможностью празднично потрепать после тяжелой трудовой недели.

Зачем я обратился в полицию?

Потом, после этого кошмарного дня, мне тысячу раз говорили, что винить себя не в чем. С одной стороны, я и сам понимал, что от моих действий мало что зависело. Скорее всего, Тару и не собирались отпускать. Вполне возможно, ее не было на свете еще до первого звонка о выкупе. Возможно, смерть ее оказалась случайной. Возможно, бандиты запаниковали, что-то их спугнуло. Кто знает? Во всяком случае, не я.

Но с другой стороны...

Нет, не могу я утверждать, что все делал правильно. Закон Ньютона – всякое действие рождает противодействие.

Во сне Тара ко мне не приходит, а если и приходит, боги великодушно стирают сон из моей памяти. Впрочем, не исключено, что я преувеличиваю. Можно выразиться иначе: сама Тара мне действительно не снится, но снится светлый фургон с фальшивыми номерными знаками штата Нью-Джерси и краденым магнитным логотипом. Во сне я слышу приглушенные звуки, которые кажутся мне детским плачем. В фургоне Тара, в этом у меня нет теперь сомнений, но я не иду на звук. Ноги по щиколотку увязли в ужасной грязи. Я просто не могу двигаться. Просыпаясь, я размышляю о том, что и так понятно: «Неужели Тара была от меня так близко?» И еще: «Будь я чуть посмелее, сумел бы ее тогда вытащить или нет?»

Судья, долговязый старшеклассник с добродушной физиономией, дал свисток и поднял над головой руки. Игра закончилась. «Хо-хо!» – выкрикнул Ленни. Ребяшки в растерянности переглянулись. «Кто выиграл-то?» – спросил один, другой пожал плечами. Команды выстроились для финального рукопожатия, как это делается в играх на кубок Стэнли.

Черил поднялась и потрепала меня по спине:

– С победой, тренер.

– Да, немало я вложил в эту команду, – согласился я.

Она улыбнулась. Ребята потянулись в нашу сторону. Я поздравил их строгим кивком. Мать Крэга принялась раздавать цветные пакетики с арахисом, мамаша Дэви – коробочки с чем-то под названием «Ю-Ху», странным заменителем шоколада, пахнущим, как мел. Я сунул в рот арахис.

– Ну, как на вкус? – поинтересовалась Черил.

– А что, по-разному бывает? – Я посмотрел на родителей и почувствовал себя в этой компании совершенно чужим.

Подошел Ленни:

– Отличная победа, а?

– Точно. Мы чемпионы.

Он жестом предложил мне отойти в сторону. Я повинился. Отойдя от родителей на достаточное расстояние, Ленни сказал:

– Состояние Моника уже почти оценено, мелочи остались.

– Хорошо, – равнодушно откликнулся я. Меня и впрямь это не волновало.

Ни я, ни Моника завещаний не составляли. Из года в год Ленни твердил мне, что сделать это необходимо, мол, надо в письменной форме определить, кто получит твои деньги, кто должен ухаживать за родителями, и так далее, и тому подобное. Но я пропускал его совет мимо ушей. Мы собирались жить вечно. А завещания там всякие, они... они для покойников.

Ленни мгновенно поменял тему:

– Может, в футбол сгоняем?

Для тех, кто не знает элементарных вещей, объясняю: футбол – это настольный футбол.

– Я и без того чемпион мира, – напомнил я Ленни.

– Вчера был чемпионом.

– Неужели нельзя хоть немного просто погреться в лучах славы? Я еще не готов отказаться от этого занятия.

– Ясно.

Ленни направился к семье. К нему подбежала дочь Марианна. Она размахивала руками, как сумасшедшая. Ленни покорно склонил голову, вытащил из кармана бумажник и протянул ей купюру. Марианна чмокнула его в щеку и умчалась. Покачивая головой, Ленни смотрел ей вслед и улыбался. Я отвернулся.

Самое худшее – или, вернее сказать, самое лучшее? – заключалось в том, что я до сих пор сохранял надежду.

Вот что мы обнаружили в тот вечер в дедушкиной хибаре: труп сестры, волосы Тары в целлофановом пакете (анализ на ДНК подтвердил принадлежность) и розовый с черными пингвинами комбинезончик Тариного размера.

А вот чего мы не обнаружили ни тогда, ни впоследствии: деньги, то есть выкуп, документы сообщников Стейси и самой Тары.

Вот именно. Дочери моей мы так и не нашли.

Лес обширный и густой, а могила маленькая. Скрыть ее нетрудно, например забросать булыжниками. А может, могилу разрыл какой-нибудь зверь и утащил содержимое в кусты. И может, останки валяются теперь в нескольких милях от дедовой хибары. Или в нескольких десятках миль.

Не исключено также (хотя этой мыслью я не делюсь ни с кем), что нет никакой могилы.

В общем, надежда живет. Подобно беде, она пока таится, но время от времени дает о себе знать, лукаво посмеивается и никогда не оставляет. Не скажешь даже, какая из этих любовниц более жестокосердна.

Полиция и ФБР предполагают, что моя сестра связалась с очень нехорошими людьми. Никто до конца не уверен, что первоначально они замыслили убийство или похищение, но большинство сходится на том, что кто-то ударился в панику. Может, они исходили из того, что меня с Моникой не будет дома и придется иметь дело с одной только няней. А увидев нас, кто-то – быть может, наркоман или просто психопат – выстрелил. А вслед за ним и другой (оттого баллистическая экспертиза и показала, что в нас с Моникой палили из разного оружия). А потом они похитили ребенка. И, в конце концов, избавились от Стейси, вкотив ей слишком большую дозу героина.

Я повторяю «они», потому что власти убеждены: у Стейси было как минимум два сообщника. Один – хладнокровный профессионал, умеющий добывать наркотики, подделывать автомобильные номера и бесследно исчезать. Другой – если угодно, паникер, тот самый, что стрелял в нас и, возможно, стал причиной гибели Тары.

Есть, конечно, и такие, кто эту схему не принимает. Они полагают, что сообщник был только один – хладнокровный профессионал, а в панику ударилась Стейси. Согласно этой версии, именно она выпустила первую пулю, и, скорее всего, в меня, поскольку я никаких выстрелов не помню, а уж потом профессионал, заметая следы, убил Моника. Эта версия подкрепляется свидетельством торговца наркотиками, который в обмен на согласие властей снять с него другое обвинение заявил, что за неделю до убийства и похищения продал Стейси «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра. В пользу этой версии говорит и тот факт, что именно Стейси принадлежат волоски и отпечатки пальцев, обнаруженные на месте преступления. Хладнокровный профессионал наверняка надел бы перчатки, а вот любитель, да еще накачанный наркотиками, мог и не подумать о такой мере предосторожности.

Но и эта версия устроила не всех. Тогда офицеры полицейского управления и ФБР составили сценарий, привлекательный своей ясностью.

Согласно ему, замысел преступления принадлежал мне.

Аргументы следующие. Муж – во все века подозреваемый номер один; мой «смит-ивессон» по-прежнему не обнаружен («Куда он делся?») – этот вопрос мне задавали вновь и вновь. Если бы знать!); я никогда не хотел ребенка (меня заставило жениться рождение Тары). Кроме того, полиция считала, что располагает доказательствами моего намерения развестись с Моникой (действительно, я об этом подумывал). Таким образом, получается, что комбинация от начала до конца была разработана лично мной. Я уговорил сестру принять участие в похищении и заручился ее согласием отсидеть в случае чего за меня. Я заранее припрятал деньги на выкуп. Я убил и закопал собственную дочь.

Дикость, конечно, но у меня даже негодовать нет сил. Я полностью выдохся. Не отдаю себе отчета, где я.

Слабость этой версии заключается в том, что она не объясняет, отчего меня бросили, считая мертвым. Кто убил Стейси – я? Кто стрелял в меня – она?

Существует и четвертая версия событий. Кое-кто считает, что, да, за всем этим делом стоял я, но, помимо Стейси, у меня был сообщник. Он убил Стейси, возможно, против моей воли – чтобы скрыть мое участие и оправдать выстрел, направленный в меня.

Так мы и ходим кругами.

Вообще-то, если вдуматься, ничего у них, да и у меня, нет. Ни денег (выкупа). Ни подозреваемых. Ни мотивов. Ни – трупика.

А ведь после похищения прошло полтора года. Формально дело не закрыто, но Риган с Тикнером заняты другими расследованиями. Я от них уже полгода не имел весточек. Первые несколько недель пресса буквально не давала мне прохода, но потом, не находя, чем поживиться, тоже обратилась к более горячим темам.

Арахис кончился. Все тронулись в сторону стоянки, забитой небольшими фургонами. По окончании игры согласно традиции, принятой в нашем городке, тренеры ведут начинающих спортсменов в кафе-мороженое, что мы с Ленни и сделали. В кафе не протолкнуться. Стаканчик мороженого – лучшее средство, чтобы справиться с осенним холодом.

Зажав в ладони вафельный рожок, я обзирал зал. Отцы и дети. Я чувствовал, что уже не выдерживаю. Взглянул на часы. Так или иначе – пора. Я поймал взгляд Ленни и знаком дал понять, что ухожу. «Завещание», – прочитал я по его губам. На тот случай, если я все-таки не понял, он сделал движение рукой, словно расписывается. Я кивнул – все, мол, ясно, – вышел на улицу, залез в машину и включил радио.

Некоторое время я просто сидел и смотрел на проходящие мимо семьи, больше всего – на отцов, в надежде уловить в их поведении хоть тень раздражения своими домашними обязанностями, хоть что-то, способное утишить мою боль. Тщетно.

Не знаю, как долго это продолжалось. Наверное, минут десять, не дольше. По радио зазвучал старый шлягер Джеймса Тейлора. Музыка заставила меня встряхнуться. Я улыбнулся, включил двигатель и поехал в больницу.

* * *

Час спустя я уже мыл руки, готовясь оперировать восьмилетнего мальчика, у которого – на языке, доступном и несведущему, и профессионалу – было разбито лицо. Ассистировать мне должна была Зия Леру.

Не берусь с точностью сказать, отчего я некогда выбрал пластическую хирургию. Во всяком случае, меня не влекли ни легкие деньги, ни идеалы служения ближнему. Хирургом-то я хотел стать с самого начала, но подумывал о сердечно-сосудистой хирургии. Однако жизнь порой выкидывает странные шутки. Кардиохирург, что вел нашу группу на втором курсе академии, был, иначе не скажешь, полный мудака, притом самодовольный. С другой стороны, Лайм Риз, хирург-косметолог, оказался великолепен. Он отличался той завидной

широтой характера и тем сочетанием приятной внешности, спокойной уверенности в себе и внутренней теплоты, которое всегда привлекает людей. Хотелось сделать ему приятное. Хотелось походить на него.

Доктор Риз стал моим руководителем. Он научил меня тому, что восстановительная хирургия – процесс творческий: ты отыскиваешь все новые возможности реконструкции. Лицевые кости, череп – наиболее сложные элементы человеческого тела. Мы, те, кто их чинит, – художники. Мы – музыканты, исполнители джаза. Поговорите с ортопедами или хирургами, имеющими дело с грудной клеткой, – они вам все разложат по полочкам. Или близко к тому. А наша работа – восстановление – другая. Мы импровизируем. Этому меня научил доктор Риз. Толкуя о микрохирургии и пересадке тканей, об искусственном кожном покрове, он словно взывал к моему внутреннему «я». Припоминаю, как однажды приехал к нему в Скарсдейл. Жена у него была длинноногая красавица. Дочь – выпускница средней школы. Сын – капитан школьной баскетбольной команды и на редкость славный мальчик. В сорок девять лет доктор Риз погиб в автомобильной катастрофе на шоссе номер 684, направляясь в Коннектикут.

Незадолго до окончания академии я получил годовую стипендию, позволявшую заняться оральной хирургией за границей. Опять-таки я принял участие в конкурсе отнюдь не потому, что собирался облагодетельствовать человечество, просто затея показалась мне привлекательной. Я рассчитывал, что путешествие станет моим персональным открытием Европы. Но я ошибся. Все с самого начала пошло наперекосяк. В Сьерра-Леоне нас застала гражданская война. Я обрабатывал раны такие чудовищные, такие невообразимые, что трудно поверить. Казалось рука, нанесящая их, гениальна в своей изобретательной жестокости. Но даже тогда, в том аду, я чувствовал какой-то странный подъем. Почему – не буду даже пытаться определить. Могу лишь еще раз сказать – это сродни исполнению джаза. Быть может, отчасти я и получал удовлетворение оттого, что оказываю помощь действительно страждущим. Но скорее всего, я воспринимал работу как экстремальный вид спорта: получал полноту ощущений, рискуя жизнью.

По возвращении в Америку мы с Зией основали «Единый мир», это было как раз то, что нужно. Я люблю свое дело. Быть может, оно и сродни экстремальным видам спорта, однако есть в нем и нечто очень человеческое. И это мне нравится. Я люблю своих пациентов, но держу между ними и собою дистанцию: холодность необходима – она тоже часть моей профессии. Я менее всего равнодушен к подопечным, но ведь они уходят – и острое чувство любви смешивается с безымянным чувством выполненного долга.

Сегодняшний пациент – довольно сложный случай.

Мой святой, мой заступник – а заступники в восстановительной хирургии есть у многих – французский исследователь Рене Лефор. Он швырял с крыши таверны трупы таким образом, чтобы они падали затылками – это помогало ему увидеть естественный узор лицевых мышц. Уверен, подобные эксперименты производили сильное впечатление на дам. Прodelывал он и другой опыт – сбрасывал всё большие тяжести на череп мертвеца, чтобы определить меру сопротивляемости челюстной кости. Сегодня его именем названы некоторые характерные травмы, вернее – три стадии одной травмы.

Мы с Зией еще раз посмотрели снимки. Не вдаваясь в детали, скажу: линия перелома у нашего восьмилетнего пациента соответствовала типу «Лефор-3». При желании я мог просто снять с мальчика лицо, как маску.

– Автомобильная авария? – спросил я.

Зия кивнула.

– Отец был пьян.

– О Господи. Ну, с ним-то, естественно, все в порядке?

– Помнит даже, что пристегнулся.

– А сына, конечно, не пристегнул?

– Слишком много возни. Оно и понятно: если часто подносить бутылку ко рту...

Наши с Зией жизненные пути начались в разных местах. Как поется в шлягере семидесятых «Братец Луи», Зия чернее черного, а я белее белого (кожа у меня, по определению Зии, цвета рыбьего брюшка). Я появился на свет в родильном доме «Бейт-Израэл», в Нью-арке, и вырос в пригородном районе Каслтоне, штат Нью-Джерси. Зия родилась в грязной деревушке неподалеку от Порт-о-Пренса, столицы Гаити. Во время правления Папы Дока ее родители стали политическими заключенными. Подробности не знает никто. Отца казнили. Мать выпустили, но с переломанными костями. Она схватила дочь в охапку и бежала из страны на том, что условно можно назвать плотом. Трое пассажиров по дороге погибли. Зия с матерью уцелели. В конце концов, они добрались до Бронкса, где нашли приют в подвальном этаже салона красоты. Здесь они изо дня в день только и делали, что подметали волосы, а те были повсюду. Волосы прилипали к одежде, коже, забивали горло, оседали в легких. Зия вечно жила с ощущением того, что во рту у нее что-то постороннее и избавиться от этого никак нельзя. И поныне, когда Зия нервничает, ее пальцы невольно тянутся к языку, словно она хочет избавиться от волоска, стереть память о прошлом.

Закончив операцию, мы устало присели на скамейку. Зия распустила тесемки на марлевой повязке, и та упала ей на грудь.

– Вроде все порядке, – сказала Зия.

– Аминь, – согласился я. – Как твоё вчерашнее свидание?

– До сих пор мерзкий привкус во рту. Не в буквальном смысле.

– Сочувствую.

– Мужчины такие подонки.

– Мне ли не знать.

– Я в отчаянии. Подумываю о том, чтобы снова начать спать с тобой.

– Фи, женщина, соблюдай правила.

Улыбка у Зии была ослепительная. И фигура великолепная. Ростом почти в шесть футов, скулы настолько высокие и острые, что, казалось, еще немного, и кожу пропорют.

– Когда же ты будешь снова встречаться с женщинами?

– Я встречаюсь.

– Да нет, я имею в виду встречи в постели.

– Не все же женщины такие доступные, как ты.

– Очень жаль. – Зия шутливо ущипнула меня.

Однажды мы переспали, оба понимая, что второго раза не будет. Собственно, так мы и познакомились. Это было, когда я учился на первом курсе медицинской академии. Ну да, случайное свидание. Таких свиданий у меня было предостаточно, и только два не прошли бесследно. Одно привело к катастрофе. Другое – с Зией – положило начало отношениям, которыми я всегда буду дорожить.

Было восемь вечера, когда мы наконец сняли перчатки и, погрузившись в машину Зии (крохотный «БМВ»), отправились на Нортвед-авеню за продуктами. В магазине, толкая перед собой тележки, мы переходили из секции в секцию. Зия болтала без умолку. Мне нравится ее болтовня. Она бодрит меня. В мясном отделе Зия остановилась у прилавка с деликатесами и сдвинула брови.

– Ну что там? – осведомился я.

– Ветчина «Кабанья голова».

– Ну и что?

– «Кабанья голова», – повторила Зия. – Что за гений торговли придумал такое название? Слушай, у меня идея. Давай дадим какому-нибудь из наших швов имя самого отвратительного из животных, вернее – его головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.